

DRAGO JANČAR

TO NOČ SEM JO VIDEL

Sample translation

design: Studio Ušnek d.o.o.

DRAGO JANČAR - TO NOČ SEM JO VIDEL

Sample translation

Uredila / Edited by

Tanja Petrič, Katja Stergar

Založila in izdala Javna agencija za knjigo Republike Slovenije, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Zanjo Slavko Pregl, direktor

Issued and published by Slovenian Book Agency, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Slavko Pregl, Director

Grafično oblikovanje in prelom / Technical editing and layout

Studio U3nek d.o.o.

Tisk / Print

Tiskarna Medium d.o.o.

Naklada / Print run

300 izvodov / 300 copies

Darilna publikacija / Gift edition

© Nosilci avtorskih pravic so avtorji/prevajalci sami, če ni navedeno drugače.

© The authors/translators are the copyright holders of the text unless stated otherwise.

Ljubljana, 2012

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6-311.2

JANČAR, Drago

To noč sem jo videl : sample translation / Drago Jančar. -

Ljubljana : Javna agencija za knjigo Republike Slovenije =

Slovenian Book Agency, 2012

ISBN 978-961-92821-8-2

260605696

TABLE OF CONTENTS

<i>Drago Jančar: About the author and his work</i>	1	
<i>To noč sem jo videl (excerpt in Slovenian)</i>	2	
 <i>Translations</i>		
Bulgarian (Translated by Ljudmil Dimitrov)	5	
English (Translated by Timothy Pogačar)	9	
French (Translated by Florence Gacoin-Marks and Grégoire Labbé)	12	
German (Translated by Karin Almasy and Ann Catrin Apstein-Müller)	20	
Lithuanian (Translated by Kristina Tamulevičiūtė)	28	
Macedonian (Translated by Darko Spasov)	31	
Polish (Translated by Regina Wojtoń)	35	
Russian (Translated by Marianna Beršadskaja, Aleksandra Krasovec, Nadežda Starikova and Tatiana Zharova)	39	
Serbian (Translated by Nemanja Sićević)	55	
Slovak (Translated by Kristína Potočňáková)	58	
Spanish (Translated by María Estefanía Quiroga)	61	
 <i>List of translators</i>		65
<i>Co-financing publications of Slovenian authors in foreign languages</i>		69

DRAGO JANČAR

Drago Jančar was born in 1948 in Maribor, Slovenia. He is considered the best-known Slovenian writer, playwright, and essayist both at home and abroad, and one of the most translated Slovenian authors. He obtained a law degree at the former College of Law at the University of Maribor, and later worked as a journalist, free-lance writer, and movie script editor and writer. In 1975, he was sentenced to a one-year strict prison sentence for allegedly "spreading enemy propaganda." In 1981, he was appointed editor-in-chief and secretary of the Slovenska matica publishing house. In 1985, he visited the USA on a Fulbright Fellowship, and later also resided in Germany, Austria, and in the UK as the recipient of the Literary Fellowship of the Free State of Bavaria, the Fellowship of the Austrian Literature Society, and the British Council Fellowship, respectively. As a president of the Slovenian P.E.N. Centre between 1987 and 1991, he was engaged in the rise of democracy in Slovenia and Yugoslavia. He lives and works in Ljubljana. His numerous works include novels such as *Galjot (The Galley Slave, 1978)*, *Severni sij (Northern Lights, 1984)*, *Posmehljivo poželenje (Mocking Desire, 1993)*, *Katarina, pav in jezuit (Katarina, the Peacock and the Jesuit, 2000)*, *To noč sem jo videl (That Night I Saw Her, 2010)*, plays like *Veliki briljantni valček (The Great Brilliant Waltz, 1985)*, *Halštat (Hallstatt, 1994)*, and *Niha ura tiha (Silently Strikes a Clock, 2009)*; short stories *Smrt pri Mariji Snežni (Death at Maria of the Snow, 1985)*, *Pogled angela (The Look of an Angel, 1992)*, and *Joyceov učenec (Joyce's Pupil, 2008)*; books of essays like *Terra incognita (1989)*, *Brioni (The Brionian Islands, 2002)*, and *Duša Evrope (The Soul of Europe, 2006)*; and several original scripts for feature films.

Drago Jančar: drago.jancar@siol.net

TO NOČ SEM JO VIDEL
(THAT NIGHT I SAW HER)

The novel recounts a few years in the life of Veronika Zarnik, a young well-to-do woman from Ljubljana, before her mysterious disappearance in the maelstrom of World War II. Five characters tell her story, each of whom also provides an account of his or her own life in the turbulent time in Slovenia before and during the war. The novel treats a time that like a juggernaut consumed not only the participants of various ideological convictions but also individuals who were tangent to tumultuous developments and events they did not even fully understand. They only desired to live, but "only" was an illusion. This was a time when even a seemingly safe and idyllic haven like a manor in Upper Carniola could not escape the run-away train of violence.

Veronika's story is told by her one-time lover, an officer in the Royal Yugoslav Army, who in the year of 1945 found himself interred in a prison camp in Palmanova. The story is continued by her mother, who, immersed in memories and delirious from hope, waits for her daughter to return home. An account of Veronika's story is also provided by a doctor in the German Army of occupation, the family maid, and a former partisan soldier who, with unclear personal motives and full of misunderstandings, launches the train of events that blazed over the garish landscape and its people.

To noč sem jo videl

To noč sem jo videl, Modrijan, Ljubljana 2010, str. 7-12

To noč sem jo videl, kakor da bi bila živa. Prihajala je po prehodu sredi barake, med pogradi, kjer so mirno dihali v snu moji tovariši. Ustavila se je ob moji postelji, nekaj časa me je zamišljeno gledala, nekako odsotno, kakor zmeraj, kadar ni mogla spati in je blodila po najinem mariborskem stanovanju, postala ob oknu, sedla na posteljo in spet stopila k oknu. Kaj je, Stevo? je rekla, tudi ti ne moreš spati?

Njen glas je bil tih, globok, skoraj moški, a nekako zastrt, odsoten kakor njen pogled. Bil sem presenečen, ker sem ga spoznal, tako razločno njen je bil, ta glas, ki se je bil z leti izgubil nekje v daljavi. Njeno podobo sem si lahko priklical pred notranje oči kadarkoli, njene oči, lase, ustnice, da, tudi telo, ki je tolikokrat zadihano obležalo ob meni, nisem pa mogel slišati njenega glasu; od osebe, ki je dolgo ne vidiš, najprej izgine glas, zvok, njegova barva in moč. Zelo dolgo je nisem videl, koliko? sem pomislil, najmanj sedem let. Zmrazilo me je. Čeprav je bila zunaj zanja majska noč in je šla h koncu pomald, pomlad strašnega leta petinštirideset, in čeprav se je že vse nagibalo v poletje in je bilo zunaj toplo, v baraki pa skoraj zatohlo od toplote dihajočih in puhtečih moških teles, me je ob tej misli zmrazilo. Sedem let. *Čez dolgih sedem let*, je nekoč pela moja Veronika, *čez dolgih sedem let se bova vidla spet*, je pela tisto slovensko narodno pesem, ki jo je imela posebej rada, kadar je bila otožna in je gledala s tistim odsotnim pogledom, s kakršnim me je gledala tudi zdaj, *sam Bog nebeški ve, kdaj sedem let bo preč*. Hotel sem ji reči, lepo, ker si prišla, pa čeprav šele po sedmih letih, Vranac je še zmeraj z menoj, če ga hočeš videti, sem hotel reči, tam za ogrado je, skupaj z drugimi oficirskimi konji, lepo se ima, lahko teka po travniku, ni mu treba biti v hlevu, v dobri družbi je, čeprav tudi on pogrša tvojo roko ... kakor jo pogršam jaz, sem hotel reči, a glas se mi je zataknil v grlu, nekaj grgrajočega in zamolklega je prihajalo iz mojih ust namesto besed, ki sem jih hotel izgovoriti. Mislim sem, da živiš v graščini pod slovenskimi hribi, sem hotel reči, a kaj jezdiš tam naokoli? Stegnil sem roko, da bi se dotaknil njenih las, ona pa se je umaknila, jaz bom zdaj šla, je rekla, saj veš, Stevo, da ne morem ostati.

Vedel sem, da ne more ostati, kakor ni mogla ostati pred sedmimi leti, ko je za zmeraj odšla iz najinega mariborskoga stanovanja; če ni mogla ostati tam, kako bi mogla ostati tukaj, v baraki ujetniškega taborišča, med spečimi oficirji kraljeve vojske, nad katerimi bdi, obešena na steno barake tam pri vratih, fotografija mladega kralja v uniformi gardijskega poročnika, z roko, položeno na sabljo, fotografija kralja, ki je ostal brez kraljestva, med svojimi zvestimi, ki so ostali brez domovine. Takrat je glasno zarezelgetal konj, prisegel bi, da je bil Vranac, morda se je oglasila tudi pri njem, preden je za zmeraj odšla, morda je zarezelgetal od veselja, ko jo je začutil v bližini, ko je nemara, kakor nekoč zmeraj, položila roko na njegove nozdrvi in rekla, Vranac, zdaj te bom osedlala.

To je bilo ponoči, zdaj je jutro in povsod po širnem taborišču se zbirajo vojaki k jutranjemu pozdravu zastavi, še zmeraj dvigamo zastavo vsako jutro, vojska brez orožja, ob vhodu postopajo angleški vojaki in zdolgočaseno opazujejo jutranje mrgolenje, razorožene vojake kraljeve vojske, ki prihajajo iz šotorov, oficirje, ki so nastanjeni v barakah, še zmeraj pripravljeni, da udarijo čez

slovenske planine nazaj, v notranjost, v bosanske gozdove, kjer se po poročilih, ki jih dobivamo, krepki gverilski boj zoper komunistično oblast. Jaz pa gledam svoj obraz v ogledalu in vem, da ničesar več ni, ni Veronike, ni kralja, ni Jugoslavije, svet je šel na kose kakor to razpokano ogledalo, iz katerega me gledajo deli mojega neobritega obraza. Nimam volje, da bi se namilil in obril in zategnil opasač in se spravil v red in odšel na zborna mesto, gledam ta obraz, nad katerega se je to noč sklonila Veronika, in se sprašujem, ali me je sploh lahko prepoznala. Ali sem to sploh še jaz, Stevan Radovanović, major, komandant konjeniškega eskadrona prve brigade, tisti nekdanji kapetan Dravske divizije, ki ga je v Mariboru zapustila žena in so se mu za hrbtom posmehovali njegovi vojaki? Zdaj se mu nihče ne posmehuje, ker nikomur ni do smeha, zdaj so vsi nekoliko usmiljenja vredni, tepena vojska, ki so jo iz domovine pregnali orožja in taktike neuki komunistični divjaki, je to sploh še moj obraz, te oči, ta nos, ta lica, presekana s črtami razpokanega ogledala, ki visi na steni umivalnice v baraki. Ti podočnjaki od neprespanih noči, ki so videti kot podplutbe, sivi prameni na sencih, razpokane ustnice in črna luknja v vrsti rumenih zob. Tista luknja, tu je bil nekoč zob, še pred mesecem dni, takrat pa je ob steni kmečke hiše razneslo granato minometa v hribih nekje nad Idrijo in mi je drobec kamna ali železa priletel naravnost v usta, da sem bil v hipu krvav, a izkazalo se je, ko sem prišel k sebi in si izmil kri, da mi je, Bogu hvala, zmanjkal samo prednji zob, ustnice pa so bile dobro razcefrane, zdaj so samo še razpokane, samo zob mi je zmanjkal tam nekje blizu italijanske meje, proti kateri smo se umikali, da bi se reorganizirali, kot je bilo rečeno, udarili nazaj, kot je bilo rečeno, pa smo se potem pred Palmanovo kratko malo predali. Predali, kaj pa drugega, čeprav je bilo rečeno, da so Angleži naši zavezniki in da bomo skupaj z njimi udarili proti komunistom. Nekaj dni smo še nosili orožje, potem je prišel ukaz, da ga predamo, se pravi, pustili smo, da so nas angleški vojaki sramotno razorožili, oficirjem so častno pustili revolverje brez municije, pred dnevi so nam pobrali še te, še zadnji znak dostojanstva, nismo več vojska, to je konec, *finis* Kraljevine Jugoslavije, konec sveta.

Pred sedmimi leti, ko je Veronika odšla iz Maribora, sem prvič pomislil, da je zame konec sveta. Ampak zdaj vidim, da je bila to majhna osebna bolečina, življenje je teklo naprej in vojska, ki sem ji pripadal z dušo in telesom, je bila še zmeraj tam, njen red in disciplina, njena slavna artilerija in konjenica, pehota, vsi rodovi obdani z glorio kolubarske in cerske bitke, bili smo nasledniki in dediči srbske zmage, ene največjih v evropski zgodovini, oficirji smo bili spoštovani in čislani, svet je bil še zmeraj cel in življenje je imelo kljub Veronikinemu odhodu svoj smisel. Kasarna, manevri – izpolnjevanje dolžnosti že samo po sebi prekrije osebno žalost, človeku daje občutek časti in obramba domovine občutek visokega poslanstva, osebna izguba se mora temu podrediti. Bil sem vzoren oficir, to že moram reči o sebi, na akademiji sem splošne in specialne izpite opravil z odliko, na vseh manevrih, ki so bili tista leta vse pogostejši, je moja enota žela pohvale.

Spomladi leta sedemtrideset so moj konjeniški eskadron iz Niša premestili v Ljubljano. Kolikor sem lahko razumel, je šlo za taktično krepitev Dravske divizije, ki je zaradi političnih dogodkov v Nemčiji postajala osrednja obrambna moč severne in zahodne meje Kraljevine. Kakor povsod sem se tudi tam dobro znašel. Življenje vojaka niso mesta, v katerih mora občasno živeti, ampak kasarna, vežbališče, vojska, moje življenje je bila vojska in so bili – konji. Bil sem, to že moram reči, najboljši jezdec v enoti, ki sem ji poveljeval. Ni vseeno, ali komandant ukazuje iz pisarne ali na manevrih iz kakšnega terenskega vozila - komandant, ki jezdi na čelu svoje enote, to je nekaj povsem drugega.

Od svojih vojakov sem zahteval, kar sem navsezadnje tudi zahteval tudi od sebe, nenehne vaje na jahališču, gibljivost, spretnost, skrb za konje, čistočo, svežo vodo, strgalo v rokah je bilo zame enako pomembno kakor izdrta sablja, s katero se jezdi v napad, ali kakor karabinka na ramenih, ki jo je treba znati sneti in repetirati tudi med ježo. Konjenica je najplemenitejši rod vojske. Konjenica pljuva na pešadijo, je govoril major Ilić, kadar je bil dobre volje. Kadar je bil dobre volje in je rekel, da konjenica pljuva na pešadijo, se je zmeraj našel kdo, ki je dodal: lahko tudi ščije ... Bili smo dobre volje, bili smo ponosni kakor poljski ulanci, najpogumnejša lahka konjenica, kar jih pozna svet. Poleg tega sem imel konje rad, prvič sem jahal, ko sem bil star sedem let, moj oče je bil konjski mešetar, skrbel sem zanje in se pogovarjal z njimi od otroštva, nisem se po naključju znašel v konjenici. In z njo, s konjenico, če danes pomislim, najbrž tudi ne po naključju v Ljubljani.

Tam sem srečal Veroniko.

K njej me je pripeljal – njen mož. K njenemu možu pa moj komandant, major Ilić. Natančno se spominjam poletnega dopoldneva: bilo je vroče, v srajci z zavihanimi rokavi sem na jahališču nadzoroval vajo obračanja na mestu. Potem sem pustil, da so rekruti jezdili v krogu in v zadnjih minutah s popuščenimi vajetmi proti hlevom. In zdaj, sem rekel, vlažna mesta na konjskem hrbtu, zlasti pod sedlom, umijte s čisto vodo. Potem strgalo, jasno? Nikoli nisem pozabil tega ukazati, kajti vedel sem, da so lenuhi, vsi rekruti so lenuhi, konja bi počili v hlev, sebe pa na bližnji travnik, v senco ob hlevskem zidu, pa čeprav na gnoj, kamorkoli. Hotel sem jim še razložiti, zakaj je skrb za konja tako pomembna, ko je prišel kurir, salutiral in rekel, da me kliče major Ilić v štab.

Z resnim glasom me je vprašal, ali sem pripravljen sprejeti posebno nalogo. Jaz sem bil zmeraj pripravljen sprejeti vsako nalogo. Žena njegovega prijatelja, tukajšnjega visokega in odličnega gospoda, mlada dama, je dobila v dar angleškega hackneyja, zdaj bi se rada naučila jahanja. Videl sem, da je šlo ordonancu in pisarju, ki sta me pozorno gledala, nekoliko na smeh. Namesto da se zajebavaš z neumnimi rekruti, je rekel major Ilić, boš nekaj časa učitelj jahanja. Nisem imel odpora do dela z neumnimi rekruti, ki so se pod mojim vodstvom na koncu skoraj vsi spremenili v odlične jezdece, odpor sem imel do misli, da bi moral neko razvajeno in bogato mlado damo učiti jahanja, navsezadnje sem z odliko položil vse splošne in specialne izpite na akademiji zato, da bi služil kralju in očetnjavi. Tudi na ta način se služi kralju in očetnjavi, je rekel Ilić, kot da bi prebral moje misli, sicer pa gre samo za dva meseca, na jesenskih manevrih boš spet vodil eskadron. Rekel sem, da sem na razpolago, kaj naj vojak drugega reče. Potem me je Ilić nekaj časa gledal v oči. Stevan, sine, je rekel z očetovskim glasom, kakor da me pošilja v bitko, nekaj ti polagam na srce.

Oficirska čast, je rekel. Ti veš kaj je oficirska čast.

Razumel sem, kaj misli. Da je treba z damo ravnati z dolžnim spoštovanjem. Vem, sem rekel. Potem je vse v redu, se je zahahljal major Ilić. In ordonanc, ki je videl, da je uradni del pogovora končan in da je major dobre volje, je dodal: pazi, da te ne ugrizne njen aligator. Zdaj so se vsi trije zasmeli. Kakšen aligator? Boš že videl, je rekel Ilić, voljno si, lahko greš.

Translated by Ljudmil Dimitrov
Contact of the translator: ljudiv@abv.bg

Тази нощ я видях, сякаш че бе жива. Идваше от разходка между бараките, край наровете, където другарите ми спокойно дишаха в съня си. Спря пред моето легло, погледа ме известно време замислено, някак отсъстващо, както винаги, когато не можеше да спи и бродеше из нашето мариборско жилище, застана до прозореца, седна на леглото и пак отиде до прозореца. – Какво, Стево? – каза, – и ти ли не можеш да спиш?

Гласът ѝ бе тих, дълбок, почти мъжки, но някак глух, отсъстващ като погледа ѝ. Изненадах се, че го познах, определено нейният беше, същият глас, който от години се изгуби някъде в далечината. Много пъти я бях извиквал в паметта си – нейните очи, коси, устни, да, и тялото ѝ, което толкова пъти задъхано е лежало до мен, но не чувах гласа ѝ; от един човек, когото дълго време не виждаш, най-напред изчезва гласът, звукът, неговият тембър и сила. Доста дълго не я бях виждал – колко?, помислих си, най-малко седем години. Замръзнах. Въпреки че бе последната майска нощ и пролетта вървеше към края си, пролетта на страшната четиридесет и пета година и въпреки че вече навсякъде се усещаше лятото и вълн бе топло, а в бараката почти задушно от топлината на дишащите и пухтящи мъжки тела, тази мисъл ме накара да замръзна. Седем години. След седем дълги години, пееше някога моята Вероника, след седем дълги години ще се видим отново, пееше тя любимата си стара словенска народна песен, когато бе по своему тъжна и гледаше с онзи отсъстващ поглед, с който ме гледаше и сега, само Господ на небето знае кога ще минат тези седем години. Прииска ми се да ѝ кажа, радвам се, че дойде, макар и след седем години, Вранац е още с мен, искаш ли да го видиш, мислех да ѝ кажа, ей там, зад оградата е, заедно с останалите офицерски коне, добре се чувства, тича си по поляната, не му трябва да стои в конюшната, в добра компания е, макар и на него да му липсва ръката ти... както ми липсва на мен, прииска ми се да кажа, но гласът ми се задави в гърлото, нещо гъргорещо и пресекващо излизаше от устата ми вместо думите, които исках да произнеса. Мислех, че живееш в замъка под словенските хълмове, щях да кажа, но какво яздиш там наоколо? Протегнах ръка, за да докосна косата ѝ, но тя се отдръпна, тръгвам – каза, – както знаеш, Стево, не мога да остана.

Знаех, че не може да остане, както не можеше да остане и преди седем години, когато завинаги си тръгна от нашето мариборско жилище; след като не можа да остане там, как би могла да остане тук, в бараката от пленническия лагер, между спящите офицери от кралската войска, над които там при вратата виси окачен на стената портретът на младия крал в униформа на гвардейски поручик, с ръка, поставена върху сабята, портретът на краля, останал без кралство, сред своите верноподаници, останали без родина. В този момент някакъв кон силно зацвили, можех да се закълна, че е Вранац, сигурно и на него му се бе обадила, преди да си отиде завинаги, навярно бе започнал да цвили от удоволствие, усещайки я наблизо, както винаги по-рано, когато тя докосваше ноздрите му и казваше: – Вранац, сега ще те оседлая.

Това се случи през нощта, сега е утро и навсякъде из целия лагер се събират военни за сутрешен поздрав на знамето, продължаваме да вдигаме знамето всяка сутрин, воители без оръжия, на входа се мотаят английски военни и отегчено наблюдават сутрешното гъмжило, разоръжаването на войниците от кралската войска, които идват от палатките, офицерите, настанени в бараките, все още готови да търтят през словенските възвишения назад към вътрешността, в босненските гори, където според известията, които получаваме, се вихри сепаратистки бой срещу комунистическата власт. А аз гледам лицето си в огледалото и знам, че вече няма нищо, ни Вероника, ни крал, ни Югославия, светът се пръсна на парчета като това счупено огледало, от което ме следят части от необръснатото ми лице. Не мога да се накаяна да се насапунисам и да се обръсна, да стегна колана си, да се приведа в ред и да отида на сбор, гледам това лице, над което тази нощ се наведе Вероника и се питам тя позна ли ме наистина. Аз, Стефан Радованович ли съм това, майорът, командирът на кавалерийския ескадрон на първа бригада, бившият капитан на Дравската дивизия, чиято жена му избяга от Марибор и неговите войници му се присмиваха зад гърба? Сега никой не му се присмиваше, избобцо никой на никого не се присмива, тъй като на никой не му е до смях, сега всички са склонни някак да се смилят, победена войска, прогонена от родината си от оръжията и тактиката на некадърните комунистически диваци, това е още моето лице, тези очи, този нос, тези бузи, пресечени от браздите на напуканото огледало, което виси на стената над мивката в бараката. Тези торбички от недоспиване под очите, приличащи на отоци, белите кичури на слепоочията, напуканите устни и черната дупка в редицата червени зъби. В дупката имаше зъб допреди месец, когато в хълмовете над Идрия стената на една селска къща бе взривена от граната на миномет и парченце камък или желязо ме нацели право по устата, та за един миг ме окървави, но като се свестих и се измих от кръвта, слава Богу, се оказа, че съм изгубил само един зъб, а устните ми бяха силно разпокъсани, сега все още са напукани, само зъба си изгубих някъде там, близо до италианската граница, към която отстъпвахме, за да се преорганизираме, както ни се каза, та да отвърнем на удара, както ни се каза, а после почти без бой се предадохме пред Палма Нова. Предадохме се, какво да направим, та нали ни уверявах, че англичаните са наши съюзници и че заедно с тях ще ударим комунистите. Още няколко дни носихме оръжие, после дойде заповед да го предадем, естествено, позволихме английските войници срамно да ни разоръжат, на офицерите поощрително оставиха пистолетите без патрони, а преди няколко дни ни отнеха и този последен знак за достойнство, вече не сме войска, това е краят, финита на Кралство Югославия, свършек на света.

Преди седем години, когато Вероника напусна Марибор, за първи път си помислих, че за мен е дошъл краят на света. Но сега виждам, че това съвсем не е било болка за умирање, животът продължаваше напред и войската, на която принадлежах духом и телом, си беше все още непокътната, с нейните ред и дисциплина, славната ѝ артилерия и кавалерия, пехотата, всички родове, обвени със славата на колубарската и церската битка, бяхме наследници и приемници на сръбските победи, едни от най-големите в европейската история, офицерите бяхме уважавани и авторитетни, светът все още беше цял и животът, въпреки бягството на Вероника, имаше смисъл. Казармата, маневрите – изпълнението на дълга само по себе

си притъпява личната мъка, дава на човек самочувствие, а отбраната на родината му носи усещане за висше предназначение, личните загуби трябва да се поставят под тези неща. Бях образцов офицер, това мога да кажа за себе си, и общите, и специалните изпити от академията взех с отличие, на всички маневри, които тази година се провеждаха по-често, моята част пожъна овации.

През пролетта на 1937 година преместиха моя конен ескадрон от Ниш в Люблина. Доколкото можех да разбера, ставаше дума за тактическо укрепване на Дравската дивизия, която поради политическите събития в Германия се превръщаше в главна отбранителна сила на северната и западната граница на кралството. Както и навсякъде, така и там се почувствах добре. Животът на един военен не са градовете, в които временно живее, а казармата, полигонът, войската, моят живот бяха войската и конете. Бях – със сигурност мога да твърдя – най-добрият ездач в частта, която водех. Не е все едно дали командирът издава заповеди от канцеларията или на маневри от някоя теренна кола – командирът, който язди начело на своята част, е нещо съвсем различно. От войниците изисквах същото, което в крайна сметка изисквах от себе си, непрестанни упражнения по езда, подвижност, ловкост, грижа за конете, чистота, прясна вода, стъргалото в ръце за мен бе не по-малко важно от извадената сабя, с която се язди в нападение, или от карабината на рамо, която трябва да можеш да сваляш и да се упражняваш също докато яздиш. Кавалерията е най-аристократичният род войска. Кавалерията плюе на пехотата, казваше майор Илич, когато беше в добро настроение. Когато беше в добро настроение и казваше, че кавалерията плюе на пехотата, все се намираше някой, който да добави: може и да я защитава... Бяхме в добро настроение, бяхме горди като полски улани, най-прочутата лека кавалерия на света. Освен това обичах конете, за първи път яздих на седем години, баща ми беше джамбазин, грижех се за тях и си говорех с тях от малък, не бях попаднал в кавалерията случайно. И с нея, с кавалерията, като си мисля днес, най-вероятно не се озовах случайно в Люблина.

Там срещнах Вероника.

При нея ме отведе мъжът ѝ. А при мъжа ѝ – моят командир, майор Илич. Идеално си спомням онази лятна сутрин: беше горещо, аз с риза с навити ръкави на хиподрума следях упражненията по обръщане на място. После оставих новобранците да яздят в кръг и в последните минути с отпуснати поводи да се прибират в конюшната. А сега, казах им, измийте с чиста вода влажните места по гърбовете на конете точно където са били седлата. След това стъргалото, ясно? Никога не забравях да дам указания, макар да знаех, че са мързеливци, всички новобранци са мързели, ще оставят конете да почиват в конюшната, а те самите – на близката поляна, на сянка до стената на обора, или пък направо на тора, където и да е. Исках да им обясня защо грижата за конете е толкова важна, когато дойде куриерът, козирува и ми съобщи, че майор Илич ме вика в щаба.

Той със сериозен глас ме попита дали съм готов да приема специална задача. Бях винаги готов на всякакви задачи. Съпругата на негов приятел, тукашен изискан господин от висшето общество, млада дама, получила подарък английски хакни и искала да се научи да язди. Забелязах, че ординареца и писаря, които внимателно ме гледаха, малко ги досмеша. Вместо

да се занимаваш с тъпи новобранци, каза майор Илич, известно време ще бъдеш учител по езда. Нямах с какво да се противопоставя на идеята за тъпите новобранци, които под мое ръководство накрая почти до един се превръщаха в отлични ездачи, имах съпротива срещу това някой да учи една разглежена богата млада дама да язди, в края на краищата аз бях взел с отличие всичките си общи и специални изпити от академията, за да служа на краля и на отечеството. И по този начин се служи на краля и на отечеството, рече Илич, сякаш бе прочел мислите ми, пък и става дума само за два месеца, на есенните маневри отново ще поемеш ескадрона. Казах, че съм на неговите услуги, какво друго да каже един войник. После Илич ме гледа известно време в очите. Стеване, сине, ми каза с бащински глас, сякаш ме праща на бой, заклевам те в нещо съкровено.

В офицерската чест, каза. Ти знаеш какво е офицерска чест.

Разбрах какво мисли. Че с дамата трябва да се отнасям с необходимото уважение. Знаем, казах. Тогава всичко е наред, захили се майор Илич. И ординарецът, който усети, че официалният разговор приключи и че майорът е в добро настроение, добави: внимавай да не те ухапе алигаторът ѝ. Сега и тримата се засмяха. Какъв алигатор? Ще видиш, каза Илич, свободно, можеш да тръгваш.

That Night I Saw Her

Translated by Timothy Pogačar

Contact of the translator: pogacar@bgsu.edu

That night I saw her as if she were alive. She was passing through the walkway in the middle of the barracks, between the bunks where my comrades peacefully breathed in their sleep. She stopped by my bed, looked at me pensively, somehow detached, for a while, as she always did when she could not sleep and wandered our Maribor house; she stopped by the window, sat down on the bed, and again stepped to the window. What is it, Stevey? she said. You can't sleep either?

Her voice was quiet, deep, almost manly, and somehow blurry, detached, like her look. I was surprised that I recognized it, it was so clearly hers, that voice, which with the years had been lost somewhere in the distance. I could at any time summon her image before my mind's eye, her eyes, hair, lips, yes, her body, too, which had so many times rested, spent by my side, but I couldn't hear her voice; the voice—its sound, color, and force—is the first part of a person to disappear. I didn't see her for a very long time. How long? I thought. At least seven years. I felt a chill. Although outside it was the last night of May, and spring was coming to an end, the spring of the terrible year 1945, and although everything pointed to summer and it was warm outside, and in the barracks almost oppressive from the warmth of the breathing and perspiring male bodies, I felt a chill at that thought. Seven years. In seven long years, my Veronika once sang, In seven long years we'll see each other again, she sang the Slovene folk song she especially liked when she was sad and had that detached expression with which she was again, now looking, God only knows when seven years will pass. I wanted to tell her it's nice of you to come, even if finally after seven years. Raven is still with me, if you'd like to see him, I was going to say, there behind the fence with the other officers' horses, he's doing fine, he can run in the meadow, he doesn't have to stay in the barn, he's in good company, although he, too, misses your touch... as I miss it, I was going to say, but my voice stuck in my throat, something gurgling and muffled came from my lips instead of the words I wanted to say. I thought that you're living in a manor house beneath the Slovene mountains, I was going to say, and you're riding some there? I stretched out my hand to touch her hair, but she retreated, I'm going now, she said, you know, Stevey, that I can't stay.

I knew that should could not stay like she could not stay seven years ago, when she left forever, left our Maribor house; if she could not live there, how could she live here, in a prison camp barracks, with the sleeping officers of the royal army, over which watches, hung on the barracks wall there by the door, a photograph of the young king in a lieutenant of the guards uniform, his hand on his saber, a photograph of a king who has lost his kingdom, among those loyal to him, who have lost their homeland. At that moment a horse loudly whinnied, I could swear it was Raven, maybe she had also visited him before leaving forever, maybe he whinnied in joy when he felt her close, when, perhaps, as once she always did, she put her hand on his muzzle and said, Raven, now I'm going to saddle you.

That was during the night. Now it is morning and everywhere in the spreading camp soldiers are gathering for the morning flag raising, we still raise the flag every morning, the army without weapons, English soldiers patrol at the entrance and with boredom watch the morning muster, the royal army's

disarmed soldiers coming out of their tents, the officers lodged in the barracks, ever ready to set off back across the Slovene mountains into the interior, into the Bosnian forests, where, according to the reports we are getting, the anti—communist guerilla struggle is growing. But I look at my face in the mirror and know that nothing exists any longer, not Veronika, not the king, not Yugoslavia, the world has gone to pieces like this cracked mirror from which parts of my unshaven face peer at me. I haven't the will to lather myself and shave and fasten my belt and straighten myself and go to the muster, I look at the face that Veronika bent over at night and ask myself whether she could have recognized me at all. Whether this is at all me, Stevan Radovanović, major, commander of a cavalry squad of the First Brigade, that one-time captain in the Drava Division, whose wife left him in Maribor, and whose soldiers laughed at him behind his back? Now no one laughs at him, no one laughs at anyone at all because no one feels like laughing, now everyone is deserving of some sympathy, a beaten army driven from its homeland by communist marauders ignorant of weaponry and tactics, is that even my face any longer, those eyes, that nose, those cheeks cut by the lines of the cracked mirror hanging on the bathroom wall in the barracks? The bags that look like black eyes from sleepless nights, the gray roots on my temples, cracked lips and black holes in a row of yellow teeth? This hole, here was once a tooth, just a month ago, when a mortar from somewhere in the mountains above Idrija exploded against the wall of a farm house and a slice of stone or metal flew straight into my mouth, leaving me instantly bloody, but it turned out when I came to and wiped the blood away that, thank God, only a front tooth was missing, my lips were good and shredded, now they are just swollen, I only lost a tooth somewhere there near the Italian border, to which we were retreating in order to reorganize, as they said, to strike back, as they said, but then we soon surrendered near Palmanova. We surrendered, what else could we do, although they said that the English were our allies and together with them we would strike a blow against communism. We kept our weapons a few more days, then there was an order to turn them over—that is, we let the English soldiers humiliatingly disarm us, but the officers were honorably permitted to carry revolvers without ammunition, a few days ago they took those from us, too, the very last sign of dignity we are no longer an army, that's the end, finis the Kingdom of Yugoslavia, the end of the world.

Seven years ago, when Veronika left Maribor, I first thought that it was the end of the world for me. However, now I see that that was a small, personal wound; life flowed onward, and the army I belonged to body and soul was still there, its order and discipline, its glorious artillery and cavalry, infantry, for generations cloaked in the glory of the Kolubara and Cer battles, we were the inheritors and descendants of a Serb victory, one of the greatest in European history, we officers were respected and valued, the world was yet whole and life, despite Veronika's departure, made sense. The army base, maneuvers—carrying out one's duties in and of itself makes up for personal sorrow, gives a person a feeling of honor and the defense of the homeland a feeling of lofty mission, personal loss must succumb to that. I was a model officer, I should add about myself, I passed the general and specialized examinations at the academy with honors, my unit garnered praise during all the maneuvers, which were more and more frequent in those years,

In the spring of 1937, my cavalry squad was transferred from Niš to Ljubljana. As far as I was able to understand, it was a tactical reinforcement of the Drava Division, which due to political events in Germany was becoming the main defensive force of the kingdom's northern and western border. I felt myself at home there, as I did everywhere. A soldier's life is not the cities where he must temporarily live, but the base, training field, the army; my life was the army, and there were horses. I was, I must

say, the best horseman in the unit I commanded. It's not the same if a commander gives orders from an office or from some vehicle in the field on maneuvers—a commander that rides at the head of his unit, that's completely different. I demanded of my soldiers what I ultimately demanded from myself, endless exercises in the manège, versatility, dexterity, care for the horses, cleanliness, fresh water, the curry comb in the hands was for me equally as important as a saber used to go on the attack or a shouldered carbine that one must know how to fetch and load even while riding. The cavalry is the noblest part of the military. The cavalry spits upon the infantry, Major Ilić would say when he was in a good mood. When he was in a good mood and said that the cavalry spits upon the infantry, someone would always add: it can also shield... We were happy, we were proud as Polish ulans, the bravest light cavalry the world knows. Besides that, I liked horses, I first rode when I was seven years old, my father was a horse dealer, I took care of them and spoke with them since childhood, it was not by coincidence that I found myself in the cavalry. And if I think about it, it's not by coincidence that I am now with it, with the cavalry, in Ljubljana.

There I met Veronika.

It was her husband who brought me to her. And to her husband my commander, Major Ilić. I clearly recall the summer morning: it was hot, I was supervising a turning-in-place exercise in the manège with my shirt sleeves rolled up. Then I allowed the recruits to ride in a circle and for the final minutes with lax reins to the barns. And now, I said, wash off the moist places on the horse's back, especially beneath the saddle, with clean water. Then curry comb, is that clear? I never forgot to order that because I knew that they were lazy, all recruits are lazy, they would shove the horse into the barn and drop themselves on the closest grass, in the shade by the barn wall, even on the manure, anywhere. I wanted to explain to them why horse care was so important, when a courier arrived, saluted, and said that Major Ilić was calling me to headquarters.

He asked me in a serious voice whether I was prepared to accept a special assignment. I was always prepared to accept any assignment. His friend's wife—he was a prominent and excellent local gentleman—a young lady, had received an English hackney as a gift and now she would like to learn to ride. I saw that the aide-de-camp and secretary, who were carefully observing, were somewhat amused. Instead of screwing around with stupid recruits, Major Ilić said, you will be a riding teacher for a while. I had no objections to working with stupid recruits, who in the end almost all turned into excellent riders under my leadership; I objected to the thought of having to teach some refined and rich young lady to ride; in the end I had completed all the general and special examinations at the academy with honors in order to serve the kind and fatherland. Ilić said that the king and fatherland are served in this way as well, as if having read my thoughts, and it would only be for two months, you will be leading the squad again during autumn maneuvers. I said that I was available, what else is a soldier to say. Then Ilić looked me straight in the eye for some time. Stevan, my son, he said in a fatherly voice, as if sending me into battle, I have something to ask of you.

Officer's honor, he said. You know what officer's honor is.

I understood what he was thinking. That it was necessary to treat the lady with due respect. I know, I said. Then everything is set, Major Ilić chuckled. And the aide-de-camp, who saw that the business part of the conversation was ended and that the major was in a good mood, added: careful her alligator doesn't bite you. Then all three of them started laughing. What alligator? You'll see, Ilić said, at ease, you can go.

Cette nuit, je l'ai vue

Translated by Florence Gacoin-Marks

Contact of the translator: florence.gacoin-marks@guest.arnes.si

Cette nuit, je l'ai vue comme si elle était vivante. Elle s'avavançait dans le passage au milieu des lits où mes camarades respiraient calmement dans leur sommeil. Elle s'arrêta quelque temps à mon niveau, elle me regarda d'un air pensif, comme absent, comme elle en avait l'habitude lorsqu'elle ne pouvait pas dormir et errait dans notre logement de Maribor, s'arrêta devant la fenêtre, s'assit sur le lit, puis s'approcha à nouveau de la fenêtre. Qui y a-t-il, Stevan ? dit-elle, toi non plus tu n'arrives pas à dormir ?

Sa voix était sourde, grave, presque masculine, mais quelque peu voilée, absente comme son regard. Je fus surpris de l'avoir reconnue, elle était si distinctement sienne, cette voix qui, avec les années, s'était perdue quelque part dans le lointain. Sa silhouette, je pouvais la faire réapparaître à tout moment à mes yeux intérieurs, ses yeux, ses cheveux, ses lèvres, oui, même son corps qui s'était tant de fois écroulé essoufflé à mes côtés, en revanche je ne parvenais plus à entendre sa voix ; quand on n'a pas vu quelqu'un pendant longtemps, c'est sa voix qui disparaît la première, son timbre, sa couleur et sa force. Cela fait très longtemps que je ne l'ai pas vue, combien ? me demandai-je, depuis au moins sept ans. Je fus saisi de frissons. Bien que ce fût dehors la dernière nuit de mai et que le printemps touchât presque à sa fin, ce printemps de la terrible année 1945, et bien que tout annonçât déjà l'été et qu'il fit chaud dehors tandis que dans le baraquement la chaleur des corps masculins respirant et suant rendaient l'air presque étouffant, je fus saisi de frissons à cette pensée. Sept ans. *Dans sept longues années*, chantait jadis ma Veronika, *dans sept longues années, nous nous reverrons*, disait-elle en fredonnant cette chanson populaire slovène qu'elle aimait tant quand elle était triste et me regardait de ce regard absent qui était aussi le sien maintenant, *seul le Dieu du ciel sait quand sept années auront passé*. Je voulais lui dire, c'est gentil d'être venue, même si tu as attendu sept ans, Prince-Noir est toujours avec moi, si tu veux le voir, voulais-je dire, il est là-bas, de l'autre côté de la palissade, avec les autres chevaux des officiers, il a la vie belle, il peut courir dans la prairie, il n'a pas besoin de rester à l'écurie, il est en bonne compagnie, même si ta main lui manque, à lui aussi... tout comme elle me manque à moi, voulais-je dire, mais ma voix resta dans ma gorge, un son rauque et sourd sortit de ma bouche à la place des mots que je voulais prononcer. Je pensais que tu vivais dans un manoir au milieu des montagnes slovènes, voulais-je dire, est-ce que tu montes un peu dans les environs ? J'étendis le bras pour toucher ses cheveux, mais elle recula, je vais m'en aller maintenant, dit-elle, tu sais bien, Stevan, que je ne peux pas rester.

Je savais bien qu'elle ne pouvait pas rester, de même qu'elle n'avait pas pu rester sept ans auparavant, quand elle avait quitté pour toujours notre appartement de Maribor ; si elle n'avait pas pu rester là-bas, comment aurait-elle pu rester ici, dans le baraquement d'un camp de prisonniers, parmi les officiers de l'armée royale endormis sur lesquels veillait, accrochée au mur du baraquement, là-bas, à côté de la porte, la photographie d'un jeune roi en uniforme de lieutenant de la garde, la main posée sur son sabre, d'un roi dépossédé de son royaume parmi ses fidèles sujets eux-mêmes dépossédés de leur patrie. À ce moment-là, un cheval hennit bruyamment, je suis presque sûr que c'était Prince-Noir, peut-

être est-elle passée le voir, lui aussi, avant de partir pour toujours, peut-être a-t-il henni de joie quand il a senti sa présence, quand elle a très probablement, comme elle le faisait toujours, posé sa main sur ses nasaux en disant : Prince-Noir, maintenant je vais te seller.

C'était pendant la nuit, maintenant c'est le matin et partout dans le camp les soldats se rassemblent pour le salut matinal au drapeau ; nous levons toujours le drapeau tous les matins, nous, l'armée sans armes ; à l'entrée, les soldats anglais font les cent pas, observant avec ennui le fourmillement matinal, les soldats désarmés de l'armée royale sortant des tentes, les officiers logés dans les baraquements, toujours prêts à retourner au combat de l'autre côté des montagnes slovènes, dans les terres, dans les forêts bosniaques où, d'après les nouvelles qui nous parviennent, la guérilla contre le pouvoir communiste s'amplifie. Moi, je regarde mon visage dans le miroir et je sais qu'il n'y a plus rien, plus de Veronika ni de roi, ni de Yougoslavie, le monde a éclaté en morceaux comme ce miroir fêlé à l'intérieur duquel les parties de mon visage non rasé me regardent. Je n'ai pas assez de volonté pour me savonner, me raser et ajuster mon ceinturon, m'arranger pour rejoindre le lieu de rassemblement, je regarde ce visage sur lequel Veronika s'était penchée cette nuit, et je me demande si elle a vraiment pu me reconnaître. Si je suis bien toujours moi-même, Stevan Radovanović, le major commandant de l'escadron de cavalerie de la première brigade, l'ancien capitaine de la division de la Drave que sa femme avait quitté à Maribor et dont les soldats se moquaient dès qu'il avait le dos tourné ? À présent, personne ne se moque de lui, personne ne se moque plus de personne parce que personne n'a envie de rire, maintenant tous méritent plus ou moins la compassion, cette armée battue, chassée de sa patrie par les armes et par des communistes exaltés ignorant tout de la tactique, est-il bien encore mon visage, ces yeux, ce nez, ces joues coupées par les fissures du miroir fêlé accroché au mur de la salle d'eau du baraquement. Ces cernes, marques des nuits sans sommeil ressemblant à des ecchymoses, les mèches grises sur les tempes, les lèvres gercées et le trou noir au milieu d'une rangée de dents jaunes. Ce trou, une dent s'y trouvait avant, il y a un mois encore. Alors, près du mur d'une ferme le projectile d'un lance-mine avait explosé quelque part dans les montagnes au-dessus d'Ildrija et un petit bout de pierre ou de métal avait fini sa course directement dans ma bouche, de sorte que je m'étais retrouvé sur le champ la bouche emplie de sang, mais quand j'eus repris mes esprits et eus lavé le sang, il s'avéra que, grâce à Dieu, il ne me manquait qu'une dent de devant ; mes lèvres avaient bien été déchiquetées, à présent elles ne sont plus qu'écorchées, j'ai juste perdu une dent quelque part près de la frontière italienne vers laquelle nous battions en retraite pour nous réorganiser, à ce qu'on disait, contre-attaquer, comme on disait, mais ensuite, devant Palmanova, nous nous sommes bientôt rendus. Rendus, que pouvons-nous faire d'autre, bien qu'il eût été dit que les Anglais étaient nos alliés et que, ensemble, nous combattrions les communistes. Quelques jours, nous portâmes encore les armes, puis nous reçûmes l'ordre de les déposer, ce qui signifie que nous avons laissé les soldats anglais nous désarmer honteusement, les officiers se virent laisser leurs revolvers sans munitions à titre honorifique, il y a quelques jours même ceux-là ont dû être déposés, la dernière marque de dignité, nous ne sommes plus une armée, c'est la fin, la finis du Royaume de Yougoslavie, la fin du monde.

Il y a sept ans, quand Veronika a quitté Maribor, j'ai pensé pour la première fois que le ciel m'était tombé sur la tête. Mais à présent je vois bien qu'il ne s'agissait que d'une petite souffrance personnelle ; la vie suivait toujours son cours et l'armée à laquelle j'appartenais corps et âme était toujours là, avec

sa discipline, ses illustres artillerie et cavalerie, ses forces terrestres, toutes ses unités auréolées de la gloire des batailles de la Kolubara et du Cer ; nous étions les successeurs et les héritiers de la victoire serbe, l'une des plus grandes de l'histoire de l'Europe ; nous, les officiers, étions respectés et estimés, le monde était toujours sain et sauf et, en dépit du départ de Veronika, la vie avait un sens. La caserne, les manœuvres, en un mot l'accomplissement du devoir suffisait à dissimuler la tristesse personnelle, donnant à l'homme l'impression de l'honneur et la défense de la patrie, l'impression d'être chargé d'une mission de haute importance à laquelle la perte personnelle devait se soumettre. J'étais un officier modèle, il faut bien que je me présente ainsi ; à l'Académie militaire, j'avais passé avec les félicitations du jury tous les examens généraux et techniques, mon unité moissonnait les éloges à toutes les manœuvres qui, ces années-là, étaient de plus en plus fréquentes.

Au printemps 1937, mon escadron de cavalerie, basé à Niš, fut muté à Ljubljana. Si j'avais bien compris, il s'agissait d'apporter des renforts tactiques à la division de la Drave qui, en raison des événements politiques en Allemagne, devenait la principale force de défense des frontières nord et ouest du Royaume. Comme partout, je m'habituai bien à ce changement. La vie d'un soldat ne dépend pas des lieux où il doit résider temporairement, mais de la caserne, du terrain d'entraînement, de l'armée ; ma vie, c'était l'armée, oui, l'armée et les chevaux. J'étais, je dois tout de même le dire, le meilleur cavalier de l'unité dont j'assurais le commandement. Qu'importe si un commandant donne ses ordres d'un bureau ou d'un véhicule de terrain au cours de manœuvres ; mais quand un commandant chevauche à la tête de son unité, c'est quelque chose de tout à fait différent. En fin de compte, j'exigeais de mes hommes ce que j'exigeais aussi de moi-même, un entraînement intensif en carrière, de la souplesse, de l'habileté, une grande attention accordée aux chevaux, à la propreté, à l'eau fraîche ; l'étrille dans la main était pour moi aussi importante que le sable dégainé avec lequel on se lançait à l'attaque ou la carabine sur les épaules qu'il fallait savoir sortir et armer même à cheval. La cavalerie est la plus noble des forces armées. La cavalerie crache sur la piétaille, disait le major Ilić quand il était de bonne humeur. Quand il était de bonne humeur et disait que la cavalerie crachait sur la piétaille, il se trouvait toujours quelqu'un pour ajouter : elle peut aussi pisser... Nous étions de bonne humeur, nous étions fiers comme les chasseurs polonais, la cavalerie légère la plus courageuse du monde. Par ailleurs, j'aimais les chevaux, j'étais monté pour la première fois à l'âge de sept ans, mon père était marchand de chevaux, je m'occupais d'eux et je leur parlais depuis l'enfance, je ne m'étais pas retrouvé dans la cavalerie par hasard. Et avec elle, avec la cavalerie, à bien y penser aujourd'hui, ce n'était probablement pas un hasard non plus si je m'étais retrouvé à Ljubljana. C'est là que j'avais rencontré Veronika.

Elle m'avait été présentée par... son mari. Et son mari m'avait été présenté par mon commandant, le major Ilić. Je me rappelle très clairement de cet après-midi d'été : il faisait chaud, je me trouvais dans la carrière, les manches de ma chemise retroussées, en train de surveiller un exercice de voltes. Puis, je laissai les nouvelles recrues monter en cercle avant de se diriger vers l'écurie les rênes relâchées durant les dernières minutes. Et maintenant, dis-je, vous lavez à l'eau claire les parties humides du dos des chevaux, en particulier sous la selle. Et après, l'étrille ! C'est bien clair ? Je n'oubliais jamais de donner cet ordre, car je savais qu'ils étaient fainéants, tous les soldats nouvellement recrutés étaient des fainéants, ils auraient envoyé les chevaux à l'écurie et se seraient vautrés dans le pré voisin, à l'ombre

du mur de l'écurie, même sur le tas de fumier, n'importe où. Je voulais encore leur expliquer pourquoi il était aussi important de prendre soin des chevaux quand un courrier arriva, me salua et dit que le major Ilic me convoquait au quartier général.

Sur un ton sérieux, ce dernier me demanda si j'étais prêt à accepter une mission spéciale. Moi, j'étais toujours prêt à accepter n'importe quelle mission. Une jeune dame, la femme d'un de ses amis, lequel était un monsieur renommé dans la région et d'un grand mérite, avait reçu pour présent un hackney et souhaitait apprendre à monter à cheval. Je vis que l'ordonnance et le secrétaire se retenaient de rire en me regardant. Au lieu de t'emmerder avec des recrues imbéciles, dit le major Ilic, tu seras pendant quelque temps moniteur d'équitation. Je ne répugnais pas à travailler avec des recrues imbéciles qui, sous ma direction, devenaient presque tous à la fin d'excellents cavaliers, je répugnais à apprendre l'équitation à une jeune dame riche et capricieuse ; après tout, j'avais passé haut la main tous les examens généraux et techniques de l'Académie militaire pour servir mon roi et ma patrie. De cette manière, tu serviras aussi le roi et la patrie, dit Ilic comme s'il pouvait lire dans mes pensées ; du reste, il ne s'agit que de deux mois ; lors des manœuvres d'automne, tu seras de nouveau à la tête de l'escadron. Je dis que j'étais à ses ordres, un soldat pouvait-il dire autre chose ? Ensuite, Ilic me regarda quelques instants droit dans les yeux. Stevan, mon fils, dit-il d'une voix paternelle, comme s'il m'envoyait à la bataille, je te fais confiance.

L'honneur militaire, dit-il. Toi, tu sais ce qu'est l'honneur militaire.

J'avais compris ce qu'il voulait dire. Qu'il fallait traiter la dame avec tout le respect qui lui était dû. Je sais, dis-je. Alors, tout est en ordre, conclut le major Ilic d'un air enjoué. Ayant remarqué que la partie officielle de la conversation était terminée et que le major était de bonne humeur, l'ordonnance ajouta : prends garde de ne pas te faire mordre par son alligator. Maintenant, ils riaient tous les trois. Quel alligator ? Tu verras bien, dit Ilic. Repos ! Tu peux t'en aller.

Cette nuit, elle m'est apparue

Translated by Grégoire Labbé

Contact of the translator: g.lab85@gmail.com

Cette nuit, elle m'est apparue, comme vivante. Elle a emprunté l'allée entre les lits superposés, au milieu du baraquement, où mes camarades respiraient tranquillement dans leur rêve. Elle s'est arrêtée à hauteur de mon lit. Pendant un moment, elle m'a regardé, d'un air à la fois pensif et distrait, comme elle le faisait dans l'appartement que nous avions à Maribor, quand elle ne trouvait pas le sommeil. Elle se tenait alors debout à la fenêtre, allait s'asseoir sur le lit, puis repartait de nouveau vers la croisée. Et elle me demandait : « Qu'y a-t-il, Stevan ? Toi non plus, tu n'arrives pas à dormir ? ».

Sa voix était calme, profonde, presque masculine, voilée, d'une certaine façon absente, comme son regard. Cette voix, je fus surpris de si bien la reconnaître. Cette voix qui s'était perdue au fil du temps dans les profondeurs de ma mémoire, c'était distinctement la sienne. Si je n'avais jamais éprouvé aucun mal à me rappeler son apparence, ses yeux, ses cheveux, sa bouche, son corps aussi, si souvent alangui à mes côtés après l'amour, – en revanche, il m'avait toujours été impossible de retrouver sa voix. D'une personne que l'on n'a pas vue depuis longtemps, c'est d'abord la voix qui disparaît, son timbre, sa couleur, sa force. Je ne l'avais pas vue depuis longtemps... depuis quand ? Au moins sept ans, pensais-je. J'étais gelé. C'était pourtant la dernière nuit de mai. On approchait de la fin du printemps, le printemps de la terrible année 1945. En été, tout se transformait. A l'extérieur, la température devenait plus agréable et plus douce ; mais dans le baraquement, les corps des hommes qui respiraient et transpiraient nous étouffaient. Sept ans ! Cette pensée même me gelait.

*« Ah, sept années, oui, c'est bien long, chantait autrefois ma Veronika,
Ah, sept années, oui, c'est bien long,
Mais après, nous nous reverrons. »*

Elle aimait particulièrement cette chanson populaire slovène, qu'elle fredonnait quand elle était mélancolique. Elle prenait alors ce regard absent, ce même regard absent qu'elle avait en ce moment.

*« Et seul Dieu dans son ciel saura
Quand cette attente finira. »*

Je voulais lui dire : « C'est bien que tu sois venue, même après sept ans. Vranac m'accompagne toujours. Si tu veux le voir, il est là-bas, derrière la clôture, avec les autres chevaux des officiers. Il va bien, il peut s'ébattre sur la pelouse, il n'a pas besoin d'être enfermé dans l'écurie, il est en bonne compagnie, même si ta main lui manque... comme elle me manque à moi. »

Mais ma voix resta coincée dans ma gorge. Une sorte de borborygme sourd sortit à la place des mots que j'aurais voulu prononcer.

« Je pensais que tu vivais dans un manoir, au pied des collines slovènes. Que fais-tu donc ici ? aurais-je aimé ajouter. Je tendis la main pour lui caresser les cheveux, mais elle se retira. — Je vais y aller maintenant, dit-elle. Tu sais bien, Stevan, que je ne peux pas rester. »

Je savais bien qu'elle ne pouvait pas rester. Elle n'avait pas pu rester non plus, quand elle avait quitté pour toujours notre appartement de Maribor sept ans plus tôt. Si elle n'avait pas pu rester là-bas,

comment aurait-elle pu rester ici, dans les baraquements d'un camp de prisonniers, parmi les officiers assoupis de l'armée royale ? Une photographie du jeune roi portant l'uniforme de lieutenant de la garde, la main placée sur le sabre, veillait sur eux, pendue au mur là-bas à côté de la porte. Ce jeune roi resté sans royaume, au milieu de ses fidèles restés sans patrie. À cet instant, un cheval fit entendre un bruyant hennissement : j'aurais juré qu'il s'agissait de Vranac. Peut-être lui était-elle aussi apparue, avant de partir pour toujours ; peut-être avait-t-il henni de joie, quand il l'avait sentie à ses côtés et quand, fidèle à ses habitudes d'autrefois, elle avait posé ses mains sur ses naseaux en lui disant : « Vranac, je vais me mettre en selle. »

C'était pendant la nuit... À présent, c'est le matin, et partout dans le vaste camp, on choisit les soldats pour le salut matinal au drapeau. Encore et encore, chaque matin, nous hissons le drapeau, guerre sans arme... De l'entrée arrivent des soldats anglais ; ils observent, visiblement ennuyés, le fourmillement matinal des soldats sans fusil de l'armée royale qui s'extrait des tentes, des officiers qui sortent de leurs baraques, telle une armée encore et toujours prête à attaquer. D'après les rapports que nous recevons, la guérilla contre le pouvoir communiste s'active dans les forêts bosniaques qu'on atteint en contournant les montagnes. Et moi, je contemple mon visage dans le miroir, et je sais qu'il n'y a plus rien, plus de Veronika, plus de roi, plus de Yougoslavie... Le monde s'est désagrégé comme ce miroir brisé, où m'observent les morceaux de mon visage mal rasé. Je n'ai pas le courage de me savonner ni de me raser, de passer ma ceinture, de me préparer, ni de partir pour le lieu de rassemblement. Je regarde ce visage sur lequel s'est penchée Veronika cette nuit, et je me demande si elle a vraiment pu me reconnaître. Suis-je encore vraiment moi-même, ce Stevan Radovanović, major, commandant de l'escadron de cavalerie de la Première Brigade ? Cet ancien capitaine de la division de la Drave, que sa femme a quitté à Maribor et dont se moquaient ses propres soldats, derrière son dos ? Maintenant plus personne ne se moque de moi, d'ailleurs plus personne ne se moque de quiconque, car plus personne n'a de quoi rire. Désormais, tout le monde est misérable : l'armée qui voulait chasser de la patrie les manigances et l'artillerie de ces porcs ignorants et communistes est battue. Pourtant, c'est encore mon visage, ces yeux, ce nez, cette joue, dispersés dans les éclats du miroir brisé, qui pend sur le mur au-dessus du lavabo du baraquement... Comme ces cernes des nuits blanches, qui ressemblent à des ecchymoses, ces poussières grises sur la tempe, ces lèvres fendues, et ce trou noir dans une rangée de dents jaunes. Il y a encore un mois, ce trou était une dent. Mais une grenade a explosé contre le mur d'une maison de campagne et a projeté un morceau de pierre ou de métal directement dans ma bouche, qui s'est mise à saigner. C'était dans les collines, quelque part au-dessus d'Ildrija. Quand je suis revenu à moi, j'ai nettoyé le sang, et j'ai remercié Dieu de n'avoir perdu qu'une dent de devant. Mes lèvres avaient été brûlées. Maintenant elles ne sont que fendues. Seule une dent m'aura été retirée, là-bas, quelque part près de la frontière italienne où nous avons battu en retraite, pour mieux nous réorganiser, comme on nous le disait, puis pour ensuite contre-attaquer, comme on nous le disait aussi... Nous nous sommes rendus peu de temps après, devant Palmanovo. Qu'aurions-nous pu faire d'autre ? Même en sachant que les Anglais étaient nos alliés, et qu'il était prévu que nous combattions les communistes ensemble, comme on nous l'avait laissé entendre. Pendant quelques jours, nous avons pu conserver nos armes. On nous a donné l'ordre de les rendre plus tard. Les soldats anglais nous ont honteusement désarmés, ne laissant aux officiers que leur revolver, sans munitions, – dernier signe de dignité qu'ils nous ont retiré quelques jours plus tard : fini le Royaume de Yougoslavie, fin du monde.

Il y a sept ans, quand Veronika a quitté Maribor, j'ai d'abord pensé que pour moi c'était ça, la fin du monde. Je vois maintenant que ce n'était qu'une petite douleur personnelle ; la vie a continué son cours et l'armée, dont je faisais partie corps et âme, était toujours là, avec son ordre et sa discipline, sa glorieuse artillerie, sa cavalerie, son infanterie, ainsi que toute notre génération imprégnée des glorieuses batailles de la Kolubara et du Cer. Nous étions les successeurs et les héritiers de la victoire serbe, l'une des plus illustres de l'histoire de l'Europe. Nous, les officiers, étions partout bienvenus et estimés ; le monde n'avait pas encore éclaté, et la vie gardait du sens, malgré le départ de Veronika. Rapidement, la caserne, les manœuvres, le devoir à accomplir... on ne pense plus à notre tristesse. Face à l'honneur de défendre la patrie, face à la grandeur de notre mission, la blessure d'une perte personnelle est négligeable. Il faut dire aussi que j'étais un officier exemplaire. A l'Académie, j'avais passé avec brio les examens généraux et spécialisés. Et pour toutes les manœuvres, qui sont devenues cette année plus fréquentes, mon unité n'avait recueilli que des louanges.

Le printemps de l'année 1937, mon escadron de cavalerie a été déplacé de Niš à Ljubljana. Il s'agissait, d'après ce que j'ai pu comprendre, de favoriser tactiquement la division de la Drave, qui, après les événements politiques en Allemagne, était devenue la principale force défensive des frontières nord et ouest du royaume. Une fois encore, mon comportement fut exemplaire. La vie d'un soldat, ce ne sont pas les villes, où il doit parfois séjourner, mais bien la caserne, le terrain d'entraînement, la guerre ; mon existence était une bataille, consacrée aux chevaux. J'étais, je me dois de le préciser, le meilleur cavalier dans l'unité que je commandais. Ce n'est pas rien : comparé à un commandant qui donne des ordres depuis son bureau ou depuis quelque véhicule de terrain en période de manœuvres, un commandant qui cavale en tête de son unité, ça fait toute la différence. : des exercices continus sur le terrain d'équitation, de la mobilité, de la compétence, prendre soin des chevaux, la propreté, l'eau fraîche. Le maniement du grattoir avait pour moi autant d'importance que celui du sabre pendant l'attaque, ou celui de la carabine, qu'il est capital de savoir dégainer et manipuler pendant la chevauchée. La cavalerie est la plus noble des sections de l'armée. « La cavalerie crache sur la piétaille », lançait le major Ilić lorsqu'il était de bonne humeur. Dans ces moments, quand il disait que la cavalerie crache sur la piétaille, il se trouvait toujours quelqu'un pour ajouter : « et pisse, aussi... » Nous étions joyeux, fiers comme des uhlands polonais, la plus courageuse des cavaleries légères que le monde ait jamais connus. Et puis, j'aimais les chevaux ; j'avais sept ans quand j'ai monté le premier. Mon père était maquignon, je me suis occupé d'eux et leur ai parlé depuis mon enfance. Je ne me suis pas retrouvé dans la cavalerie par hasard. Et, quand j'y pense aujourd'hui, ce n'est sans doute pas par hasard non plus que la cavalerie m'a mené à Ljubljana.

Car c'est là-bas que j'ai rencontré Veronika.

C'est son mari qui m'a conduit à elle. Il m'avait été présenté par mon commandant, le major Ilić. Je me souviens précisément de cet après-midi d'été. Il faisait chaud, et, manches de chemises retroussées, je surveillais un exercice de volte-face que les cavaliers faisaient faire aux chevaux. J'ai ensuite laissé les conscrits cavalier, d'abord en cercle puis, dans les dernières minutes, vers les écuries, les rênes relâchées.

« Et maintenant, vous lavez à l'eau claire ces zones humides sur le dos du cheval, surtout sous la selle. Et ensuite le grattoir, c'est compris ? »

Jamais je n'oubliais de donner cet ordre, même si je les savais paresseux, comme tous les conscrits :

ils laisseraient les chevaux dans l'écurie, puis iraient eux-mêmes s'abandonner sur la pelouse voisine, à l'ombre du box, voire même sur le fumier, n'importe où. Je voulais de nouveau leur expliquer l'importance de prendre soin des chevaux, quand un messenger me salua. Le major Ilić réclamait ma présence à l'état-major.

D'une voix grave, le major me demanda si j'étais prêt à me charger d'une mission particulière. J'étais toujours prêt à accepter les tâches qu'on me donnait, quelles qu'elles soient. Une jeune femme, l'épouse de son ami, un notable de la région, avait reçu en cadeau un hackney, qu'elle désirait apprendre à monter. Je remarquai que l'ordonnance et le secrétaire qui me regardaient attentivement avaient esquissé un sourire.

« Au lieu de te foutre de la gueule de ces stupides conscrits, me dit le major Ilić, tu seras quelque temps professeur d'équitation. »

Je n'avais rien contre l'idée de travailler avec ces stupides conscrits ; sous mon commandement, ils se changeaient finalement presque tous en cavaliers d'exception. Je n'avais en revanche aucune envie d'enseigner l'équitation à une dame riche et gâtée : j'avais quand même obtenu les meilleures notes à tous les examens généraux et spécialisés de l'Académie, assez pour servir le roi et la patrie.

« De cette façon, on sert également le roi et la patrie, affirma Ilić, comme s'il lisait dans mes pensées, et puis ce ne sera que pour deux mois. Aux manœuvres d'automne, tu reprendras la tête d'un escadron. »

J'ai répondu que je souhaitais disposer : en tant que soldat, que pouvais-je faire d'autre ? Ilić me fixa un moment dans les yeux :

« Stevan, mon fils, annonça-t-il d'une voix paternelle, comme s'il m'envoyait au combat, de tout mon cœur je t'assure que tu fais bien d'accepter. C'est pour l'honneur de l'officier : tu sais ce que c'est, l'honneur de l'officier. »

Je comprenais ce qu'il voulait dire. Il faut traiter une dame avec le respect qui lui est dû.

« Je le sais, acquiesçai-je.

— Donc tout est en ordre », s'enthousiasma le major Ilić. Et l'ordonnance, voyant que nous en avions fini avec la discussion officielle, et que le major était de bonne humeur, ajouta : « Attention de ne pas te faire mordre par son alligator. » Ils se mirent tous les trois à rire. Quel alligator ?

« Tu vas voir, dit Ilić. Tu es libre, tu peux y aller. »

In dieser Nacht sah ich sie

Translated by Karin Almasy

Contact of the translator: karin@almasy.at

In dieser Nacht sah ich sie, als wäre sie leibhaftig hier. Sie kam auf dem Durchgang durch die Baracke, zwischen den Stockbetten, in denen friedlich meine Kameraden im Schlaf atmeten. Sie stellte sich an mein Bett, blickte mich einige Zeit nachdenklich an, irgendwie geistesabwesend, wie immer, wenn sie nicht schlafen konnte und in unserer Mariborer Wohnung umhergewandert, wenn sie am Fenster gestanden, am Bett gesessen und wieder an das Fenster getreten ist. Was ist, Stevo? sagte sie, kannst du auch nicht schlafen?

Ihre Stimme war leise, tief, fast männlich, aber irgendwie brüchig, geistesabwesend wie ihr Blick. Ich war überrascht, denn als ich sie kennen gelernt hatte, war sie so klar gewesen, diese Stimme, die sich mit den Jahren irgendwo in der Weite verloren hatte. Ihre Gestalt konnte ich mir immer vor das innere Auge rufen, ihre Augen, Haare, Lippen, ja, auch ihren Körper, der so oft atemlos bei mir gelegen war, ihre Stimme aber konnte ich nicht hören; von einer Person, die man lange nicht sieht, verschwindet zuerst die Stimme, der Klang, ihre Farbe und Kraft. Sehr lange habe ich sie nicht gesehen, wie lange? überlegte ich, mindestens sieben Jahre. Es überlief mich kalt. Obwohl es draußen die letzte Maiennacht gab und es gegen Frühlingsende zuging, den Frühling des schauerhaften Jahres fünfundvierzig, und obwohl alles sich schon Richtung Sommer neigte und es draußen warm war, es in der Baracke von der Wärme der atmenden und dampfenden Männerleiber fast muffelte, fröstelte es mich bei diesem Gedanken. Sieben Jahre. *Nach sieben lange Jahren*, sang sie einst, meine Veronika, *nach sieben langen Jahren, sehen wir uns wieder*, sang sie dieses slowenische Volkslied, das sie besonders gerne hatte, wenn sie wehmütig war und diesen geistesabwesenden Blick hatte, mit welchem sie mich auch jetzt anblickte, *nur Gott im Himmel weiß, wann diese sieben Jahre um sein werden*. Ich wollte ihr sagen, schön, dass du gekommen bist, obwohl erst nach sieben Jahren, mein Rappe Vranac ist noch immer bei mir, wenn du ihn sehen willst, wollte ich sagen, dort in der Koppel ist er, gemeinsam mit den anderen Offizierspferden, es geht ihm gut, er kann auf der Wiese herumlaufen, muss nicht im Stall sein, ist in guter Gesellschaft, obwohl auch er deine Hand vermisst... so wie sie ich vermisse, wollte ich sagen, aber die Stimme blieb mir im Halse stecken, etwas Gurgelndes und Belegtes kam statt der Worte, die ich sprechen wollte, aus meinem Mund. Ich dachte, du lebst am Gut unter den slowenischen Hügeln, wollte ich sagen, aber was reitest du denn da herum? Ich streckte die Hand aus, um ihre Haare zu berühren, sie aber wich zurück, ich werde jetzt gehen, sagte sie, du weißt ja, Stevo, dass ich nicht bleiben kann.

Ich wusste, dass sie nicht bleiben kann, so wie sie auch vor sieben Jahren nicht bleiben konnte, als sie stets aus unserer Mariborer Wohnung fort musste; wenn sie dort nicht bleiben konnte, wie sollte sie dann hier bleiben können, in der Baracke eines Kriegsgefangenenlagers, zwischen schlafenden Offizieren der königlichen Armee, über welche, an die Barackenwand gehängt, eine Fotografie des jungen Königs in der Uniform eines Gardeleutnants wacht, mit der Hand, die auf einem Säbel ruht, die Fotografie des Königs, der ohne Königreich geblieben ist, zwischen seinen Getreuen, die ohne Heimat

geblieben sind. Dann hörte ich ein Pferd wiehern, ich könnte schwören, es war Vranac, vielleicht hatte sie auch bei ihm vorbeigeschaut, bevor sie für immer von uns gegangen ist, vielleicht wieherte er vor Freude, als er ihre Nähe spürte, als sie vielleicht, wie früher immer, ihre Hand auf seine Nüstern gelegt hatte und sagte, Vranac, jetzt werde ich dich satteln.

Das war nachts gewesen, und nun war es Morgen und überall im weiten Lager sammelten sich Soldaten für den morgendlichen Salut an die Fahne, noch immer hissen wir sie jeden Morgen, ein Heer ohne Waffen, beim Eingang lungern englische Soldaten herum und verfolgen gelangweilt das morgendliche Treiben, die entwaffneten Soldaten der königlichen Armee, die aus ihren Zelten kommen, die Offiziere, die in Baracken einquartiert sind, noch immer bereit, über die slowenischen Berge zurückzuschlagen, in das Innere, in die bosnischen Wälder, wo den Nachrichten zufolge, die wir erhalten, sich der Guerillakampf gegen die kommunistische Macht verstärkt. Ich aber sehe mein Gesicht im Spiegel und weiß, dass es nichts mehr gibt, keine Veronika, keinen König und kein Jugoslawien, die Welt ist vor die Hunde gegangen wie dieser zersprungene Spiegel, aus dem mich Teile meines unrasierten Gesichtes ansehen. Es ist mir nicht danach mich einzuseifen, mich zu rasieren, meinen Leibriemen anzuziehen, mich in die Reihe zu stellen und mich auf den Appellplatz zu begeben, ich sehe dieses Gesicht, über das sich diese Nacht Veronika gebeugt hat, und frage mich, ob sie mich überhaupt erkennen konnte. Bin das überhaupt noch ich, Stevan Radovanović, Major, Kommandant der Kavallerieeskadrons der ersten Brigade, dieser ehemalige Kapitän der Drau-Division, der in Maribor Frau und Kind zurückgelassen hat und über den hinter seinem Rücken seine Soldaten lachen? Jetzt lacht niemand mehr über ihn, überhaupt lacht keiner mehr über jemanden, den niemandem ist mehr zum Lachen zumute, jetzt sind alle irgendwie erbarmenswert, ein geschlagenes Heer, das von den Waffen und der Taktik unwissender kommunistischer Wilder aus der Heimat vertrieben wurde, ist das überhaupt noch mein Gesicht, diese Augen, diese Nase, diese Wangen, diese aufgeplatzten Lippen und diese schwarze klaffende Lücke in einer Reihe gelber Zähne. Diese Lücke, wo einmal, noch vor einem Monat, ein Zahn gewesen war, als an der Wand eines Bauernhauses in den Hügeln irgendwo über Idrija ein Granatwerfer zerborsten war und mir ein Stückchen Stein oder Eisen geradewegs in den Mund flog, so dass ich mit einem Schlag blutüberströmt war, aber es stellte sich heraus, als ich zu mir gekommen war und das Blut weggewischt hatte, dass, Gott sei Dank, nur ein Schneidezahn fehlte, die Lippen aber waren ganz schön zerfetzt worden, jetzt waren sie nur noch aufgeplatzt, nur ein Zahn war mir abhanden gekommen irgendwo dort nahe der italienischen Grenze, in Richtung welcher wir uns bewegt hatten um, wie gesagt wurde, uns zu reorganisieren, um, wie gesagt wurde, zurückzuschlagen, aber dann hatten wir uns kurz vor Palmanova ergeben. Ergeben, was sonst, obwohl gesagt wurde, dass die Engländer unsere Verbündeten seien, und dass wir gemeinsam gegen die Kommunisten kämpfen würden. Einige Tage trugen wir noch unsere Waffen, dann kam der Befehl, sie zu übergeben, das heißt, wir ließen es zu, dass uns die Engländer schmachvoll entwaffneten, den Offizieren ließen sie ehrenhalber ihre Revolver ohne Munition, vor einigen Tagen sammelten sie dann auch noch diese ein, das letzte Zeichen von Würde, wir sind kein Heer mehr, das ist das Ende, *Finis* des Königreichs Jugoslawiens, das Ende der Welt.

Vor sieben Jahren, als Veronika aus Maribor fortgegangen war, dachte ich das erste Mal, dass sei für mich das Ende der Welt. Aber jetzt sehe ich, dass das ein kleiner persönlicher Schmerz war, das Leben ging weiter und das Heer, dem ich mit Leib und Seele angehörte, gab es immer noch, seine

Ordnung und Disziplin, seine ruhmreiche Artillerie und Kavallerie, Infanterie, alle Truppengattungen umkreist vom Glorienschein der Schlachten an der Kolubara und am Cer, wir waren die Nachfolger und Erben des serbischen Sieges, eines der größten in der europäischen Geschichte, wir Offiziere waren hochgeehrt und geachtet, die Welt war immer noch heil und das Leben hatte trotz Veronikas Weggang noch einen Sinn. Die Kaserne, Manöver – Pflichterfüllung übertüncht schon von allein persönliche Trauer, gibt dem Menschen ein Gefühl von Ehre und die Verteidigung der Heimat ein Gefühl von großer Bestimmung, persönlicher Verlust muss sich dem unterordnen. Ich war ein mustergültiger Offizier, das muss ich schon über mich sagen, auf der Akademie legte ich die allgemeinen und speziellen Prüfungen mit Auszeichnung ab, auf allen Manövern, die in jenen Jahren noch häufiger stattfanden, erntete meine Einheit Lob.

Im Frühling des Jahres siebenunddreißig wurde meine Kavallerieeskadron aus Niš nach Ljubljana versetzt. Soviel ich verstehen konnte, ging es dabei um eine taktische Stärkung der Drau-Division, die wegen der politischen Ereignisse in Deutschland zunehmend die zentrale Kraft für die Verteidigung der nördlichen und westlichen Grenzen des Königreichs geworden war. Wie überall habe ich mich auch dort gut zurechtgefunden. Das Leben eines Soldaten sind nicht die Städte, in denen er zeitweise leben muss, sondern die Kaserne, der Truppenübungsplatz, die Armee, mein Leben war die Armee und waren – die Pferde. Ich war, das muss ich schon sagen, der beste Reiter der Einheit, die ich befehligte. Es ist nicht dasselbe, wenn ein Kommandant aus der Schreibstube oder auf Manövern aus irgendeinem Geländefahrzeug heraus befehligt – wenn ein Kommandant an der Spitze seiner Einheit reitet, ist das etwas vollkommen anderes. Von meinen Soldaten habe ich verlangt, was ich schließlich auch von mir selbst verlangt habe, ständiges Training am Reitplatz, Beweglichkeit, Geschicklichkeit, Sorge um die Pferde, Sauberkeit, frisches Wasser, der Striegel in den Händen war für mich ebenso wichtig wie der gezückte Säbel, mit dem man den Angriff reitet, oder wie der Karabiner auf den Schultern, den man auch während des Reitens ziehen und repetieren können musste. Die Kavallerie ist die edelste aller Truppengattungen einer Armee. Die Kavallerie kann auf die Infanterie spucken, pflegte Major Ilić zu sagen, und wenn er gute Laune hatte und sagte, die Kavallerie kann auf die Infanterie spucken, fand sich fast immer jemand der hinzufügte, sie kann auch auf sie pissen... Wir waren guter Stimmung, wir waren stolz wie polnischen Ulanen, die allerstolzeste leichte Kavallerie, die die Welt zu sehen bekam. Außerdem hatte ich Pferde gern, das erste Mal ritt ich, als ich sieben Jahre alt war, mein Vater war ein Pferdehändler, ich kümmerte mich um sie und unterhielt mich mit ihnen seit meiner Kindheit, ich bin nicht zufällig in der Kavallerie gelandet. Und mit ihr, der Kavallerie, wenn ich heute so nachdenke, wohl auch nicht zufällig in Ljubljana.

Dort bin ich Veronika begegnet.

Zu ihr geführt hat mich – ihr Ehemann. Und zu ihrem Ehemann mein Kommandant, Major Ilić. Ich erinnere mich genau an den Frühlingsnachmittag, es war heiß, in einem Hemd mit aufgekrempelten Ärmeln überwachte ich am Reitplatz eine Wendeübung am Stand. Danach ließ ich die Rekruten im Kreis und in den letzten Minuten mit schleifenden Zügeln in Richtung Stall reiten. Und nun, sagte ich, säubert die feuchten Stellen am Pferderücken, besonders unter dem Sattel, mit sauberem Wasser. Dann der Striegel, klar? Niemals vergaß ich das zu befehlen, weil ich wusste, dass sie Faulpelze sind, dass alle Rekruten Faulpelze sind, die das Pferd im Stall, sich selbst aber auf einer nahen Wiese ausruhen lassen würden, im Schatten an der Stallmauer, oder sogar auf dem Mist, wo auch immer.

Ich wollte ihnen noch erklären, warum die Fürsorge um das Pferd so wichtig ist, als ein Kurier kam, salutierte und sagte, der Major Ilić rufe mich in den Stab.

Mit ernster Stimme fragte er mich, ob ich bereit wäre, eine besondere Aufgabe zu übernehmen. Ich war immer bereit jede Aufgabe zu übernehmen. Die Frau seines Freundes, eines hiesigen hohen und vornehmen Herren, eine junge Dame, hatte einen englischen Hackney geschenkt bekommen, nun würde sie gerne auch reiten lernen. Ich sah, dass der Ordonnanz und dem Schreiber, die mich genau beobachteten, irgendwie zum Lachen zumute war. Anstatt dich mit dummen Rekruten herumzuzürgern, sagte Major Ilić, wirst du einfach einige Zeit Reitlehrer sein. Ich hatte nichts gegen die Arbeit mit den dummen Rekruten, die sich unter meiner Führung am Ende fast alle zu ausgezeichneten Reitern gemausert haben, ich hatte was gegen den Gedanken, dass ich irgendeiner verwöhnten und reichen jungen Dame das Reiten beibringen sollte, nicht zuletzt hatte ich alle allgemeinen und speziellen Prüfungen an der Akademie mit Vorzug abgelegt, um König und Vaterland zu dienen. Auch auf diese Art dienst du König und Vaterland, sagte Ilić, so als hätte er meine Gedanken gelesen, es geht schließlich nur um zwei Monate, auf den Herbstmanövern wirst du wieder deine Eskadron anführen. Ich sagte, dass ich zur Verfügung stünde, was soll ein Soldat sonst schon sagen. Dann sah mir Ilić eine Zeit lang in die Augen. Stevan, mein Sohn, sagte er mit väterlicher Stimme, so als ob er mich in die Schlacht schicken würde, eines lege ich dir noch ans Herz.

Die Offiziersehre, sagt er. Du weißt, was die Offiziersehre ist. Ich verstand, was er meinte. Dass man die Dame mit gebührender Ehrerbietung zu behandeln habe. Ich weiß, sagte ich. Dann ist ja alles in Ordnung, schmunzelte Major Ilić. Und die Ordonnanz, die sah, dass der offizielle Teil des Gesprächs beendet und der Major guter Laune war, fügte hinzu: Pass auf, dass dich nicht ihr Alligator beißt. Da lachten alle drei. Welcher Alligator? Du wirst schon sehen, sagte Ilić, abtreten, du darfst gehen.

In dieser Nacht sah ich sie

*Translated by Ann Catrin Apstein-Müller
Contact of the translator: ac-am@gmx.de*

In dieser Nacht sah ich sie, als stünde sie lebendig vor mir. Sie kam durch den Durchgang inmitten der Baracke, zwischen den Stockbetten, in denen meine Kameraden im Schlaf ruhig atmeten. Sie blieb an meinem Bett stehen, sah mich eine Zeitlang nachdenklich an, irgendwie abwesend, wie immer, wenn sie nicht schlafen konnte und durch unsere Wohnung in Maribor wanderte, am Fenster stehen blieb, sich aufs Bett setzte und wieder ans Fenster trat. Was ist, Stevo?, sagte sie, kannst du auch nicht schlafen?

Ihre Stimme war leise, tief, beinahe männlich, aber irgendwie verschleiert, abwesend wie ihr Blick. Ich war überrascht, weil ich sie erkannte, sie war so deutlich ihre, diese Stimme, die sich mit den Jahren irgendwo in der Ferne verloren hatte. Ihr Bild konnte ich mir jederzeit vor mein inneres Auge rufen, ihre Augen, ihr Haar, die Lippen, ja, auch den Körper, der so oft atemlos neben mir liegen geblieben war, ihre Stimme jedoch konnte ich nicht hören; von einer Person, die man lange Zeit nicht sieht, verschwindet als Erstes die Stimme, der Klang, ihre Farbe und ihre Kraft. Ich hatte sie sehr lange nicht gesehen, wie lange? überlegte ich, mindestens sieben Jahre. Mich fröstelte. Obwohl draußen die letzte Mainacht war und der Frühling dem Ende zuging, der Frühling des furchtbaren Jahres fünfundvierzig, und obwohl sich alles schon auf den Sommer zubewegte und es draußen warm war, in der Baracke beinahe schon stickig von der Wärme der atmenden und dampfenden Männerkörper, fröstelte mich bei diesem Gedanken. Sieben Jahre. *Nach sieben langen Jahren*, hatte sie einst gesungen, meine Veronika, *nach sieben langen Jahren werden wir uns wiedersehen*, hatte dieses slowenische Volkslied gesungen, das sie besonders mochte, wenn sie wehmütig war und mit diesem abwesenden Blick vor sich hinsah, mit dem sie mich auch jetzt ansah, *nur Gott im Himmel weiß, wann sieben Jahr vergehn*. Ich wollte ihr sagen, schön, dass du gekommen bist, wenn auch erst nach sieben Jahren, der Schwarze ist noch immer bei mir, wenn du ihn sehen möchtest, ich wollte sagen, dort hinter der Koppel ist er, zusammen mit den anderen Offizierspferden, es geht ihm gut, er kann über die Wiese laufen, er muss nicht im Stall stehen, er ist in guter Gesellschaft, obwohl auch er deine Hand vermisst ... wie ich sie vermisse, wollte ich sagen, aber die Stimme blieb mir im Halse stecken, etwas Gurgelndes, Ersticktes kam aus meinem Mund anstelle der Worte, die ich hatte aussprechen wollen. Ich dachte, du lebst in einem Schloss am Fuße der slowenischen Berge, wollte ich sagen, was reitest du hier herum? Ich streckte meine Hand aus, um ihr Haar zu berühren, doch sie wich mir aus, ich werde jetzt gehen, sagte sie, du weißt ja, Stevo, dass ich nicht bleiben kann.

Ich wusste, dass sie nicht bleiben konnte, wie sie auch vor sieben Jahren nicht hatte bleiben können, als sie für immer unsere Wohnung in Maribor verlassen hatte; wenn sie dort nicht hatte bleiben können, wie hätte sie hier bleiben können, in der Baracke eines Gefangenenlagers, zwischen schlafenden Offizieren der königlichen Armee, über denen, aufgehängt an der Barackenwand dort über der Tür, die Fotografie des jungen Königs in der Uniform eines Gardeleutnants wacht, die Hand am Säbel, die Fotografie eines Königs, der kein Königreich mehr hat, zwischen seinen Getreuen, die

keine Heimat mehr haben. Dann wieherte ein Pferd laut auf, ich hätte schwören können, dass es der Schwarze war, vielleicht hatte sie sich auch bei ihm gemeldet, bevor sie für immer fortgegangen war, vielleicht hatte er vor Freude gewiehert, als er sie in seiner Nähe spürte, als sie vielleicht, wie früher immer, eine Hand auf seine Nüstern gelegt und gesagt hatte, Schwarzer, ich werde dich jetzt satteln.

Das war nachts gewesen, jetzt ist es Morgen und überall in dem weitläufigen Lager sammeln sich die Soldaten zum morgendlichen Fahnenappell, noch immer hissen wir jeden Morgen die Fahne, eine Armee ohne Waffen, am Eingang streifen englische Soldaten herum und betrachten gelangweilt das morgendliche Gewimmel, die entwaffneten Soldaten der königlichen Armee, die aus den Zelten kommen, die Offiziere, die in Baracken untergebracht sind, noch immer bereit, über die slowenischen Berge zurückzuschlagen, ins Innere, in die bosnischen Wälder, wo sich laut den Berichten, die wir bekommen, der Guerillakampf gegen die kommunistische Macht verstärkt. Ich betrachte mein Gesicht im Spiegel und weiß, dass es nichts mehr gibt, es gibt keine Veronika, keinen König, kein Jugoslawien, die Welt ist in Stücke gegangen wie dieser gesprungene Spiegel, aus dem mich Teile meines unrasierten Gesichts ansehen. Ich habe keine Lust, mich einzuseifen und zu rasieren und meinen Koppelriemen umzuschlagen und mich in die Reihe zu stellen und zum Versammlungsplatz zu gehen, ich betrachte dieses Gesicht, über das sich Veronika in dieser Nacht gebeugt hat, und frage mich, ob sie mich überhaupt wiedererkennen konnte. Ob das überhaupt noch ich bin, Stevan Radovanović, Major, Kommandant des Kavallerie-Eskadrons der ersten Brigade, dieser ehemalige Kapitän der Drau-Division, den in Maribor seine Frau verlassen hat und den seine Soldaten hinter seinem Rücken ausgelacht haben? Jetzt lacht ihn niemand mehr aus, überhaupt lacht niemand niemanden mehr aus, weil niemandem mehr zum Lachen zumute ist, jetzt sind alle ein wenig erbarmungswürdig, eine geschlagene Armee, von kommunistischen Wilden, die von Waffen und Taktik keine Ahnung haben, aus der Heimat gejagt, ist das überhaupt noch mein Gesicht, diese Augen, diese Nase, diese Wangen, durchschnitten von den Linien des geborstenen Spiegels, der an der Wand des Waschraums der Baracke hängt. Diese Augenringe von den schlaflosen Nächten, die aussehen wie Blutergrüsse, die grauen Strähnen an den Schläfen, die aufgesprungenen Lippen und das schwarze Loch in der gelben Zahnreihe. Dieses Loch, hier war einmal ein Zahn, noch vor einem Monat, doch dann explodierte an der Wand eines Bauernhauses die Granate eines Minenwerfers irgendwo über Idrija und mir flog ein Stückchen Stein oder Metall direkt in den Mund, so dass ich augenblicklich voller Blut war, doch es stellte sich heraus, als ich zu mir kam und mir das Blut wegwusch, dass mir, Gottseidank, nur ein Schneidezahn fehlte, und die Lippen waren ordentlich zerfetzt, jetzt sind sie nur noch rissig, nur einen Zahn hatte ich verloren irgendwo dort nahe der italienischen Grenze, in Richtung derer wir uns zurückzogen, um uns zu reorganisieren, wie es hieß, zurückzuschlagen, wie es hieß, und dann hatten wir uns vor Palmanova kurzerhand ergeben. Ergeben, was sonst, obwohl es geheißt hatte, die Engländer seien unsere Verbündeten und wir würden gemeinsam mit ihnen einen Schlag gegen die Kommunisten führen. Ein paar Tage lang trugen wir noch Waffen, doch dann kam der Befehl, sie abzugeben, das heißt, wir ließen uns von den englischen Soldaten schmachvoll entwaffnen, den Offizieren wurden ehrenhalber die Revolver ohne Munition gelassen, vor ein paar Tagen haben sie uns auch die noch genommen, auch noch das letzte Zeichen der Würde, wir sind keine Armee mehr, das ist das Ende, finis des Königreichs Jugoslawien, das Ende der Welt.

Vor sieben Jahren, als Veronika aus Maribor fortging, dachte ich zum ersten Mal, es sei für mich das Ende der Welt. Aber jetzt sehe ich, dass das ein kleiner persönlicher Schmerz war, das Leben lief weiter und die Armee, der ich mit Leib und Seele angehörte, war noch immer da, ihre Ordnung und Disziplin, ihre berühmte Artillerie und Kavallerie, die Infanterie, alle Truppengattungen umgeben von der Glorie der Schlacht an der Kolubara und der Schlacht von Cer, wir waren die Nachfolger und Erben des serbischen Sieges, eines der größten in der europäischen Geschichte, wir Offiziere waren geehrt und geachtet, die Welt war noch immer heil und das Leben hatte trotz Veronikas Weggang seinen Sinn. Die Kaserne, die Manöver – die Pflichterfüllung an sich überdeckt schon persönliche Trauer, gibt einem ein Gefühl der Ehre, und die Verteidigung des Vaterlandes das Gefühl einer höheren Mission, ein persönlicher Verlust muss sich dem unterordnen. Ich war ein vorbildlicher Offizier, das muss ich schon von mir sagen, auf der Akademie habe ich die allgemeinen und die besonderen Prüfungen mit Auszeichnung abgelegt, bei allen Manövern, die in diesen Jahren immer häufiger wurden, erntete meine Einheit Lob.

Im Frühjahr siebenunddreißig wurde mein Kavallerie-Eskadron von Niš nach Ljubljana verlegt. Soweit ich es verstand, ging es um eine taktische Verstärkung der Drau-Division, die wegen der politischen Ereignisse in Deutschland die zentrale Verteidigungskraft an der Nord- und Westgrenze des Königreichs geworden war. Wie überall fand ich mich auch dort gut zurecht. Das Leben eines Soldaten sind nicht die Orte, an denen er gelegentlich leben muss, sondern die Kaserne, der Truppenübungsplatz, die Armee, mein Leben war die Armee und es waren – Pferde. Ich war, das muss ich schon sagen, der beste Reiter in der Einheit, die ich befehligte. Es ist nicht gleichgültig, ob ein Kommandant aus der Schreibstube heraus befiehlt oder bei Manövern aus einem Geländefahrzeug – ein Kommandant, der an der Spitze seiner Einheit reitet, das ist etwas vollkommen anderes. Von meinen Soldaten verlangte ich, was ich schließlich auch von mir verlangte, unablässiges Üben auf dem Reitplatz, Beweglichkeit, Geschicklichkeit, die Versorgung der Pferde, Sauberkeit, frisches Wasser, der Striegel in den Händen war für mich genauso wichtig wie der gezogene Säbel, mit dem man in den Angriff reitet, oder wie der Karabiner auf den Schultern, den man auch während des Reitens herunternehmen und repetieren können muss. Die Kavallerie ist die edelste Gattung der Armee. Die Kavallerie spuckt auf die Fußsoldaten, sagte Major Ilić, wenn er gut gelaunt war. Wenn er gut gelaunt war und sagte, dass die Kavallerie auf die Fußsoldaten spuckt, fand sich immer jemand, der hinzufügte: Sie kann auch drauf pissen ... Wir waren gut gelaunt, wir waren stolz wie die polnischen Ulanen, die mutigste leichte Kavallerie, die die Welt je gesehen hat. Zudem mochte ich Pferde, das erste Mal war ich geritten, als ich sieben Jahre alt war, mein Vater war Pferdehändler gewesen, ich sorgte für sie und unterhielt mich mit ihnen seit meiner Kindheit, ich war nicht zufällig zur Kavallerie gekommen. Und mit ihr, mit der Kavallerie, wenn ich heute darüber nachdenke, wahrscheinlich auch nicht zufällig nach Ljubljana.

Dort hatte ich Veronika getroffen.

Zu ihr hat mich gebracht – ihr Mann. Und zu ihrem Mann mein Kommandant, Major Ilić. Ich erinnere mich genau an diesen Sommervormittag: Es war heiß, im Hemd mit aufgekrepelten Ärmeln hatte ich auf dem Reitplatz die Übung des Wendens auf der Stelle überwacht. Dann ließ ich die Rekruten im Kreis reiten und in den letzten Minuten mit lockeren Zügeln zum Stall. Und jetzt, sagte ich, reinigen Sie die feuchte Stelle auf dem Pferderücken, besonders unter dem Sattel, mit sauberem

Wasser. Dann der Striegel, klar? Ich vergaß nie, das zu befehlen, weil ich wusste, dass sie Faulpelze waren, alle Rekruten sind Faulpelze, die Pferde würden sie im Stall ausruhen lassen, sich selbst auf der nahen Wiese, im Schatten an der Stallwand, sogar im Mist, wo auch immer. Ich wollte ihnen noch erklären, warum die Versorgung des Pferdes so wichtig war, als ein Kurier kam, salutierte und sagte, Major Ilić rufe mich in den Stab.

Er fragte mich mit ernster Stimme, ob ich bereit sei, eine besondere Aufgabe zu übernehmen. Ich war immer bereit, jede Aufgabe zu übernehmen. Die Frau seines Freundes, eines hiesigen hohen und vornehmen Herrn, eine junge Dame, hatte ein englisches Hackney geschenkt bekommen, jetzt würde sie gerne auch reiten lernen. Ich sah, dass sich der Ordonnanzoffizier und der Schreiber, die mich aufmerksam ansahen, ein wenig das Lachen verkniffen. Anstatt mit dummen Rekruten herumzualbern, sagte Major Ilić, wirst du für einige Zeit Reitlehrer. Ich hatte nichts gegen die Arbeit mit dummen Rekruten, die sich unter meiner Anleitung am Ende fast alle in ausgezeichnete Reiter verwandelten, ich hatte etwas gegen den Gedanken, einer verwöhnten und reichen junge Dame das Reiten beizubringen, schließlich hatte ich alle allgemeinen und besonderen Prüfungen an der Akademie mit Auszeichnung bestanden, um König und Vaterland zu dienen. Auch auf diese Weise dient man König und Vaterland, sagte Ilić, als hätte er meine Gedanken gelesen, und außerdem geht es nur um zwei Monate, bei den Herbstmanövern wirst du wieder den Eskadron führen. Ich sagte, ich stünde zur Verfügung, was soll ein Soldat auch anderes sagen. Dann sah mir Ilić eine Zeitlang in die Augen. Stevan, mein Sohn, sagte er mit väterlicher Stimme, als schicke er mich in eine Schlacht, ich möchte dir etwas ans Herz legen.

Offiziersehre, sagte er. Du weißt, was Offiziersehre ist.

Ich verstand, was er meinte. Dass man eine Dame mit gebührendem Respekt behandeln muss. Ich weiß, sagte ich. Dann ist alles in Ordnung, schmunzelte Major Ilić. Und der Ordonnanzoffizier, der sah, dass der offizielle Teil des Gesprächs beendet war und dass der Major gut gelaunt war, fügte hinzu: Pass auf, dass dich ihr Alligator nicht beißt. Jetzt lachten alle drei. Welcher Alligator? Du wirst schon sehen, sagte Ilić, rühr dich, du kannst gehen.

Tą naktį mačiau ją

Translated by Kristina Tamulevičiūtė

Contact of the translator: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Tą naktį mačiau ją kaip gyvą. Pašiūrėje ji žengė tarp lovų, kuriose miegodami tyliai alsavo mano draugai. Sustojusi prie mano lovos, kurią laiką žvelgė susimąščiusiai, kažkaip atsainiai, kaip tada, kai blaškydavosi naktimis, atsistodavo prie lango, prisėdavo ant lovos ir vėl žengdavo lango link, negalėdama užmigti mūsų bute Maribore. Kas yra, Stevo, paklausė ji, ir tavęs miegas neima?

Jos balsas buvo žemas, tylus, beveik vyriškas, bet ir kažkoks paslaptingas, atsainus kaip ir žvilgsnis. Nustebau jį atpažinęs, toks būdingas jai, tas balsas, kuris metams bėgant išnyko kažkur tolumoje. Užvėręs akis, jos atvaizdą galėjau pamatyti bet kada, jos akis, plaukus, lūpas, taip, ir kūną, kuris uždušęs tiek kartų atgulė šalia manęs, bet balso išgirsti negalėjau; kai žmogaus ilgai nematai, visų pirma pamiršti jo balsą, balso skambesį, spalvą ir jėgą. Labai ilgai jos nemačiau, kiek? – mažiausiai septynerius metus, pagalvoju. Ir mane nupurtė šaltis. Lauke blėso paskutinė gegužės naktis, baigėsi pavasaris, baisių keturiasdešimt penktųjų metų pavasaris, ir nors nenumaldomai artėjo vasara, lauke buvo šilta, o pašiūrėje tvanku nuo alsuojančių ir prakaituojančių vyrų kūnų šilumos, bet pamąščius apie tai, mane nukrėtė šaltis. Septyneri metai. Po ilgų metų septynių, kartą uždainavo, mano Veronika, po ilgų metų septynių ir vėlei būsime kartu, dainavo ji tą slovėnų liaudies dainą, kurią ypač mėgo dainuoti, kai buvo prislėgta ir žvelgė tuo atsainiu žvilgsniu, kuriuo žiūrėjo į mane ir dabar, Dangiškas Tėvas nežino, kada prabėgs tie metai septyni. Norėjau jai pasakyti, kad džiaugiuosi dėl to, jog atėjo, nors ir po septynerių metų. Juodvarnis dar su manim, jei ji nori pamatyti, norėjau pasakyti, jis ten, už tvoros, kartu su kitais tarnybiniais arkliais, viskas jam gerai, nebūna visą dieną uždarytas tvarte, gali ganytis pievoje kartu su kitais arkliais, tik tavo rankų pasiilgsta... ir aš jų pasiilgstu, norėjau pasakyti, bet balsas užstrigo gerklėje, o vietoj žodžių, kuriuos norėjau ištarti, iš lūpų išėjo kažkoks gargaliuojantis prislopintas garsas. Maniau, kad gyveni dvare, Slovėnijos kalvų papėdėse, norėjau pasakyti, ar jodinėji po apylinkes? Ištiesiau ranką, kad paglostyčiau jai plaukus, bet ji atsitraukė sakydama, dabar jau eisiu, Stevo, juk žinai, kad negaliu likti.

Žinojau, kad ji negali likti, ir prieš septynerius metus negalėjo, kai visam laikui paliko mūsų butą Maribore; jei jau negalėjo likti ten, tai kaip galėtų čia, belaisvių stovykloje, tarp miegančių Karališkosios armijos karininkų, virš kurių budi ant sienos prie durų pakabinta jaunojo karaliaus nuotrauka – joje apsvilkęs gvardijos leitenanto uniforma, jis laiko ranką ant kardo rankenos, nuotrauka karaliaus, kuris liko be karalystės, tarp savo ištikimųjų, kurie liko be tėvynės. Tada garsiai sužvangė arklys, galėčiau prisiekti, kad tai buvo Juodvarnis, gal aplankė ir jį, prieš išeidama visam laikui, tikriausiai jis sužvangė iš džiaugsmo, pajutęs jos artumą, kai lyg senais laikais ji delnu palietė jo šnerves ir sukuždėjo, Juodvarni, dabar mes josim.

Tai įvyko naktį, o dabar jau rytas, ir į plačią stovyklavietę renkasi kariai atiduoti pagarbą vėliavai, kurią vis dar iškelia kiekvieną rytą, mes, kariuomenė be ginklų, prie jėjimo rikiuojasi anglų kariai ir nuobodžiai stebi rytinį šurmulį, nuginkluotus Karališkosios armijos karius, lendančius iš palapinių, karininkus, apsistojučius barakuose ir visada pasiruošusius per Slovėnijos kalnus smogti atgal į

gilumą, į Bosnijos miškus, kuriuose anot mums siunčiamų pranešimų, telkiasi prieš komunistų valdžią nusiteikę partizanai. O aš žiūriu į savo veidą veidrodyje ir žinau, kad nebėra nieko, nebėra Veronikos, nebėra karaliaus, nebėra Jugoslavijos, pasaulis sutrupėjo kaip ir tas suskilinėjęs veidrodis, iš kurio žvelgia mano apšepęs veidas. Neturiu jėgų išsimuiliuoti ir nusiskusti, užsijuosti diržą, susitvarkyti ir nueiti į susirinkimo vietą, žiūriu į tą veidą, virš kurio šią naktį pasilenkė Veronika, ir klausiu savęs, ar galėjo ji mane atpažinti. Ar tai vis dar aš, Stevanas Radovanovičius, majoras, pirmosios raitųjų eskadrono brigados komendantas, kadaise buvęs Dravos divizijos kapitonas, kurį Maribore paliko žmona ir iš kurio paslapčiomis tyčiojosi jo paties kariai? Dabar iš jo niekas nebesityčioja, išvis niekas iš nieko nebesityčioja, nes niekam nebesinori juoktis, dabar visi mes verti pasigailėjimo, sumušta kariuomenė, kurią iš tėvynės išvijo apie ginklus ir taktikas nenusimanantys laukiniai komunistai, ar tai vis dar mano veidas, tos akys, ta nosis, tie skruostai, perkirsti suskilusio, ant barako prausyklos sienos kabančio veidrodžio įtūkiu. Tie kapšeliai po akimis, likę po bemiegių naktų, atrodo lyg mėlynės, pražilusios sruogos smilkiniuose, suskirdusios lūpos ir juoda skylė pageltusių dantų eilėje. Ta skylė, kurios vietoje kadaise, dar prieš kelis mėnesius, buvo dantis, atsirado ties valstiečio namo kampu sprogu granatai, paleistai iš minosvadžio kalvose virš Idrijos, kai akmens ar galežies skeveldra pataikė tiesiai į mano praviras lūpas. Akimirksniu apsiopyliau krauju, bet kai atsigavęs iš šoko jį išspjoviau, ačiū Dievui, paaiškėjo, kad man trūksta tik vieno priekinio danties, lūpos buvo gerokai suskeldėjusios, iki šiol jos suskirdusios, praradau tik dantį, ten kažkur prie Italijos sienos, ties kuria traukėmės siekdami persiorganizuoti, kad galėtume, kaip buvo pasakyta, smogti atgal, kaip buvo pasakyta, bet tada ties Palmanovu mes tiesiog pasidavėm. Pasidavėm, ką dar galėjom padaryti, nors buvo sakoma, kad anglai mūsų sąjungininkai ir kad su jų pagalba smogsime komunistams. Kelias dienas dar nešiojome ginklus, vėliau mus pasiekė įsakymas pasiduoti, kitaip tariant, leidomės, kad anglų kariai mus gėdingai nuginkluotų, o karininkams paliktų revolverius be užtaisų, bet ir tuos jie greitai surinko, šitaip atimdami paskutinį orumo simbolį, nesame jau kariuomenė, tai pabaiga, finis, Jugoslavijos karalystės ir pasaulio pabaiga.

Prieš septynerius metus, kai Veronika išvyko iš Mariboro, pirmą kartą pagalvojau, kad man tai reiškia pasaulio pabaigą. Dabar matau, kad tai tebuvo mažas asmeninis skausmelis, gyvenimas tęsėsi, ir kariuomenė, kuriai priklausiau kūnu bei siela, visada buvo ten, jos tvarka ir disciplina, garsioji artilerija ir kavalerija, pėstininkai, ištisos kartos didžiuojasi pergalėmis Kolubaroje ir Ceroje, buvome serbų pergalės paveldėtojai ir tęsėjai, tai buvo viena didžiausių pergalių Europos istorijoje, mumis, karininkais, buvo stebimasi ir žavimasi, todėl pasaulis ir vėl pasirodė vientisas, o gyvenimas, nepaisant Veronikos išėjimo, atgavo savo prasmę. Stovykla ir manevrai, tai yra, pareigos vykdymas, nuslopina asmeninį liūdesį ir suteikia žmogui orumo, tėvynės gynimas įskelia ugnelę svarbioms misijoms ir joks asmeninis praradimas to negali sumenkinti. Apie save galiu pasakyti, kad buvau pavyzdinis karininkas, Akademijoje specialiuosius ir bendruosius egzaminus išlaikiau su pagyrimu, visuose manevruose, kurių kasmet tik daugėjo, mano padalinys žėrė nuoplenus.

Trisdešimt septintųjų metų pavasarį mano raitųjų eskadroną iš Nišo perkėlė į Liublianą. Kaip supratau, tai buvo taktinis Dravos divizijos padalijimas, nes politinių įvykių Vokietijoje dėka ši divizija tapo pargindiniu šiaurinių ir vakarinių Karalystės sienų saugumo garantu. Kaip ir visur, taip ir Liublianoje greitai įsikūriau. Kario gyvenimas yra ne miestai, kuriuose jis laikinai apsistoja, o stovykla, treniruotės, kariuomenė, kuri kartu su žirgais buvo ir yra mano gyvenimas. Turiu pasakyti, kad buvau

geriausias savo vadovaujamo padalinio jojikas. Komendantas, kuris įsakinėja iš raštinės arba iš kokio nors punkto lauke yra viena, o komendantas, kuris joja savo padalinio priešaky – visai kas kita. Visų savo karių, o kartu ir savęs reikalavau nenutraukiamai treniruotis hipodrome, būti judriais ir lanksčiais, rūpintis žirgais, švara ir šviežiu vandeniu, rankose laikomos šukos žirgams šukuoti man buvo tokios pat svarbios kaip apnuogintas kardas, kurį iškėlęs jodavau priešo link, arba kaip karabinas ant pečių, kuriuo reikia mokėti nusitaikyti ir jojant. Kavalerija yra garbingiausia kariuomenės dalis. Kavalerija perspjauna pėstininkus, sakė majoras Iličius, kai buvo geros nuotaikos. Kai buvo geros nuotaikos ir pasakė, kad kavalerija perspjauna pėstininkus, kaip ir visada atsirado kažkas, kuris pridūrė, kad ji ir gina... Buvome geros nuotaikos, buvome išdidūs kaip lenkų ulonai, drąsiausia lengvoji kavalerija, kurią tik pažįsta pasaulis. Be to, aš mylėjau žirgus, pirmą kartą jojau būdamas septynerių, mano tėvas buvo arklių makleris, rūpinausi ir kalbėjausi su žirgais jau nuo vaikystės, juk neatsitiktinai atsiradau kavalerijoje. Šiandien galvoju, kad su ja, su artilerija, neatsitiktinai atsidūriau ir Liublianoje.

Ten pirmą kartą pamačiau Veroniką.

Su ja mane supažindino jos vyras. O su šiuo mane suvedė mano komendantas, majoras Iličius. Puikiai prisimenu tą vasaros rytą: buvo karšta, atsiraitojęs marškinių rankoves aš stebėjau jodinėjimo treniruotes. Vėliau leidau rekrūtams joti ratu, o vėliau paleidus vadeles pasukti tvarto link. O dabar, tariu, šlapias vietas ant arklių nugarų, ypač ten, po balnu, nuprauskite švariu vandeniu. Vėliau išsukuokite, aišku? Niekada to nepamiršdavau paliepti, nes žinojau, kad jie – tinginiai, visi rekrūtai yra tinginiai, žirgą jie įvestų į tvartą, o patys išsitiestų artimiausioje pievoje, šešėlyje ties tvarto siena, nors ir ant mėšlo, bet kur. Dar norėjau jiems paaiškinti, kodėl taip svarbu tinkamai pasirūpinti žirgu, kai atėjo pasiuntinys, atidavė pagarbą ir pranešė, kad majoras Iličius mane kviečia į štabą.

Rimtu balsu majoras manęs paklausė, ar esu pasiruošęs atlikti svarbią užduotį. Aš visada buvau pasiruošęs priimti bet kokią paliepmą. Jo draugo, vietinio kilmingo pono žmonai, jaunai damai, buvo padovanotas jojamasis arklys iš Anglijos, ir ji norėtų išmokti jodinėti. Mačiau mane stebėjusių ginklanešio ir raštininko šypsenėles. Kurį laiką būsi jodinėjimo mokytojas, pasakė majoras, vietoj to, kad išsidirbinėji su kvailais rekrūtais. Neturėjau nieko prieš darbą su kvailais rekrūtais, kurie mano mokomi beveik visi tapo puikiais jojikaiis, be to nenorėjau sutikti su mintimi, kad teks kažkokią išlepintą ir turtingą damą mokyti jodinėjimo, galų gale, juk visus bendruosius ir specialiuosius egzaminus Akademijoje išlaikiau su pagyrimu dėl to, kad tarnaučiau karaliui ir tėvynei. Ir šitaip tarnaujama karaliui bei tėvynei, pasakė Iličius lyg skaitytų mano mintis, be to, tai tik dviems mėnesiams, rudens pratybose ir vėl vadovausi eskadronui. Pasakiau, kad esu pasiruošęs mokyti tą damą, ką kita gali pasakyti karys. Vėliau Iličius kurį laiką žiūrėjo man į akis. Stevanai, sūnau, ištarė tėvišku balsu lyg siųstų mane į mūšį, šį tą tau paguldysiu ant sąžinės.

Kario priesaika, pasakė. Tu žinai, kas yra kario priesaika.

Supratau, ką jis turi omeny. Kad su dama dera bendrauti pagarbiai. Žinau, atsakiau. Tada viskas gerai, sukikeno majoras Iličius. O ginklanešys, pastebėjęs, kad oficiali pokalbio dalis jau baigta ir kad majoras geros nuotaikos, pridūrė: saugokis, kad tau neįgeltų jos aligatorius. Dabar visi trys prapliupo kvatotis. Koks aligatorius? Pamatysi, pasakė Iličius, laisvai, gali jau eiti.

Таа ноќ, ја видов како да е жива. Доаѓаше по средината на бараката, низ просторот меѓу дрвените кревети каде што, во сон, мирно дишеа моите другари. Застана до мојот кревет, замислена, некако отсутно ме гледаше некое време, како секогаш кога не можеше да спие и кога сновеше низ нашиот стан во Марибор, постоја покрај прозорецот, потоа седна на креветот и повторно отиде до прозорецот. Што е Стево, праща, и ти не можеш да спиеш?

Гласот и' беше тивок, длабок, речиси машки, но некако задушен, отсутен како нејзиниот поглед. Бев изненаден затоа што го препознав, толку јасно беше дека е нејзиниот глас. Нејзината слика можев да ја повикам пред внатрешните очи, кога било, нејзините очи, коса, усни, да, и телото, кое којзнае колку пати задишано остана да лежи со мене, но гласот не можев да и' го слушнам; од лицето кое долго не сме го виделе најпрвин исчезнува гласот, звукот, неговата боја и моќ. Долго не сум ја видел, колку? Си помислив, најмалку седум години. Се наежив. Иако надвор беше последна мајска ноќ и пролетта беше пред заминување, пролетта на страшната четириесет и петта, и иако некако сè веќе наликуваше на лето, надвор беше топло, а во бараката речиси задушливо од топлината на испотените машки тела. Се наежив од таа помисла. Седум години. По долги седум години, пееше мојата Вероника, по долги седум години ќе се видиме пак, си ја пееше народната што особено си ја сакаше, кога беше натажена и кога гледаше со нејзиниот отсутен поглед, со кој ме гледаше и сега. Бог знае кога ќе поминат тие седум години. Сакав да и' речам, убаво што дојде, макар и по седум години, Вранецот е и денес со мене, ако сакаш да го видиш, сакав да речам, таму, зад оградата е, заедно со другите офицерски коњи, убаво му е, може да трча по ливадите, не мора да биде во штала, во добро друштво е, иако и нему му недостасува твојата рака... колку ми недостасува, сакав да речам, но гласот ми застана во грлото. Наместо зборовите што сакав да ги изговорам од мојата уста излегуваше некакво гргорење и молк. Мислев дека живееш во замокот под словенечките ридини, сакав да речам, јаваш таму наоколу? Ја подадов раката за да и' ги допрам косите, а таа се истави, ќе заминам сега, рече. Стево, знаеш дека не можам да останам.

Знаев дека не може да остане, како што не можеше да остане и пред седум години, кога засекогаш замина од нашиот стан во Марибор; ако не можеше да остане таму, овде, помалку ќе остане, во затворската барака од логорот, меѓу заспаните офицери на кралската војска, над кои, обесена на сидот од бараката, таму кај вратата, бдее фотографија од младиот крал во униформа на гардиски поручник, со рака спуштена на сабјата, фотографија на кралот, кој останал без кралство, меѓу своите поданици, кои останале без татковина. Тогаш се слушна гласно 'ржење од коњ. Би се заколнал дека тоа беше Вранецот, можеби поминала и кај него, пред засекогаш да замине, можеби за'ржал од радост, кога сетил дека е во близина, како некогаш, кога секогаш ќе ја ставеше раката на неговите ноздри и ќе му речеше, сега ќе те оседлам.

Тоа се случи ноќта, сега е утро и насекаде по широкиот логор се собираат војници за утринскиот поздрав на знамето, сè уште го креваме секое утро, војска без оружје, покрај влезот чекорат англиски војници и здодевно ја гледаат утринската раздвиженост, разоружената војска на кралската војска, кои доаѓаат од шаторите, офицерите сместени во бараките, сè уште подготвени да удрат преку словенечките планини назад, во внатрешноста, во босанските шуми, каде што според известувањата што ги добиваме, герилската борба против комунистичката власт зајакнува. А јас си го гледам своето лице во огледалото и знам, дека ништо повеќе нема. Ја нема Вероника, го нема кралот, ја нема Југославија, светот се распарчи како скршено огледало, од кое ме гледаат деловите од моето неизбричено лице. Немам волја да се насапунам, да се избричам, да го затегнам ременот, да се спастрам и да отидам на договореното место. Го гледам тоа лице, над кое таа ноќ се наведна Вероника, и се прашувам, дали воопшто можеше да ме препознае. Ах, дали ова што остана од мене сум јас, Стеван Радовановиќ, мајор, командант на коњаничкиот ескадрон на првата бригада, оној некогашниот капетан од Дравската дивизија, кого, во Марибор, го напушти жена му и поради тоа зад грб му се потсмеваа неговите војници? Сега никој не му се потсмева, воопшто никој никому не му се потсмева, затоа што никому не му е дојдено до смеење, сега некако сите се за жалење, поразена војска, која од татковината ја протераа оружјето и тактиката на неуките комунистички дивјаци, ова ли остана од моето лице, овие очи, овој нос, ова лице, пресечени со линиите на распуканото огледало, кое виси на сидот над местото за миење во бараката. Овие подочници од непреспаните ноќи кои изгледаат како отоци, побелените прамени над ушите, распуканите усни и црната дупка во низата пожолтени заби. Таа празнина некогаш беше заб, до пред еден месец, кога покрај сидот на една селска куќа некаде во ридовите над Идрија се разнесе граната од минофрлач и парче камен или железо ме удри право во устата, и за миг бев крвав, а излезе, кога си дојдов на себе и откако ја измив крвта, дека, слава му на Бога, одлетал само предниот заб, усните ми беа само убаво расечени, само забот го изгубив таму некаде во близина на италијанската граница, кон која се повлекувавме, за да се реорганизираме, како што беше речено, да удриме назад, како што беше речено, за потоа пред Палманова да се предадеме. Се предадовме, а што друго, иако ни беше речено дека Англичаните се наши сојузници и дека заедно со нив ќе удриме кон комунистите. Некое време носевме оружје, потоа дојде наредба да го предадеме, значи оставивме англиските војници да нè разоружат, за срамота, на офицерите поради чест им ги оставија револверите без муниција, а пред неколку дена ни ги зе доа и револверите, последниот знак за достоинство, не сме повеќе војска, ова е крај, крај на Кралството Југославија, крај на светот.

Пред седум години, кога Вероника си замина од Марибор, прв пат помислив, дека е тоа крај за мене. Но сега гледам дека тоа била мала, лична болка, животот продолжи понатаму и војската, кон која припаѓав со душата и телото, сè уште беше таму, редот и дисциплина, нејзината славна артилерија и коњица, пешадија, сите родови овенчани со славата на Колубарската и Церската битка, бевме потомци и наследници на српската победа, една од најголемите во европската историја, ние офицерите бевме почитувани, светот сè уште беше цел и животот, и покрај заминувањето на Вероника, имаше своја смисла. Касарна, маневри

– извршувањето на обврските само по себе ја покрива личната жалост, на човека му дава чувство на чест, одбраната на татковината, му дава чувство за голема мисија, па личните таги мора да се потчинат. Бев офицер за пример, тоа морам да го кажам за себе, на академијата општите и специјалните испити ги завршив со одлична оцена, на сите маневри, кои таа година ги имаше почесто, мојата единица жнееше пофалби.

Пролетта триесет и седма, мојот коњички ескадрон од Ниш го префрлија во Љубљана. Како што можев да разберам, стануваше збор за тактичко зацврстување на Дравската дивизија, која поради политичките настани во Германија стануваше централна одбранбена сила на северната и западната граница на Кралството. Како насекаде, и таму се снајдов добро. Животот на војникот не се градовите, во кои од време навреме мора да живее, туку касарните, полигоните, војската, мојот живот беше војската и беа - коњите. Бев, тоа морам да го кажам, најдобриот јавач во единицата со која командував. Не е сеедно дали командантот командува од канцеларија или на маневрите од некое теренско возило – командантот, што јава на челото на својата единица, тоа е сосема нешто друго. Од своите војници побарав, нешто што го барав и од себе, на крајот на краиштата, постојани вежби на јавалиштето, подвижност, умешност, грижа за коњите, чистина, свежа вода, чешелот во мојата рака за мене беше еднакво вредна како и извлечената сабја, со која се јава во напад, или како карабинот на рамо што треба да умеете да го симнете и да го репетирате и за време на јавање. Коњцата е најблагородниот род од војската. Коњцата плука кон пешадијата, зборуваше мајор Илич кога беше расположен. Кога беше расположен и кога ќе рече дека коњцата плука кон пешадијата, секогаш ќе се најдеше некој кој ќе додадеше: може и да моча по неа... Бевме добро расположени, бевме горди како полските уланци, најхрабрата лесна коњаница во светот. Освен тоа ги сакав коњите, прв пат јавав кога имав седум години, мојот татко беше џамбаз, се грижев за нив, со нив зборував од з уште како дете, не се најдов случајно во коњцата. И со неа, со коњцата, ако денес помислам, бездруго и во Љубљана не се најдов случајно.

Таму ја сретнав Вероника.

Кај неа ме одведе нејзиниот маж. А кај него, мојот командант, мајор Илич. Убаво се сеќавам на тоа летно претпладне: беше топло, во кошула со завиткани ракави на јавалиштето ја надгледував вежбата свртување во место. Потоа ги оставив регрутите да јаваат во круг и последните минути со попуштени узди кон шталата. И сега, реков, влажните места на грбовите на коњите да се измијат со чиста вода. А потоа четка, јасно? Никогаш не заборавав на тоа, затоа што знаев дека се мрзливи, сите регрути се мрзливи, коњот ќе го остават во шталата, и право на тревникот под сенката на сидот од шталата, па макар и во коњскиот измет, каде било. Сакав да им објаснам и зошто грижата за коњот е толку значајна, кога, пристигна курирот, поздрави и рече дека мајор Илич ме вика во штабот.

Со сериозен глас ме праша дали сум подготвен да прифатам посебна задача. Јас постојано бев подготвен да прифатам посебна награда. Жената на неговиот пријател, овдешниот висок у угледен господин, млада дама, добила подарок англиски хекни и сакала да научи да јава. Забележав дека на ордонансот и на писарот, кои внимателно гледаа во мене, им доаѓаше да се насмеат. Наместо да се забаваш со глупави регрути, рече мајор Илич, некое време ќе

бидеш учител по јавање. Не ми пречеше да работам со глупави регрути, кои под мое водство на крај стануваа одлични јавачи, отпор имав при помислата дека ќе морам некоја разгалена и богата млада дама да ја учам јавање, на крајот на краиштата со одличен успех ги положив сите општи и специјални испити на академијата за да му служам на кралот и татковината. И вака ќе му служиш на кралот и на татковината, рече Илич, како да ги прочита моите мисли, а инаку се работи само за два месеци, на есенските маневри повторно ќе го водиш ескадронот. Реков дека сум на располагање, а што може војник да одговори освен тоа. Потоа мајор Илич ме гледаше во очи некое време. Стеване, сине, рече со татковски глас, како да ме испраќа во битка, и врзи си го в крпче.

Офицерска чест, рече. Ти знаеш што е тоа офицерска чест.

Разбрав на што мисли. Дека со дамата треба да се однесувам со должна почит. Знаам, реков. Тогаш е сè во ред, се насмевна мајор Илич, а ордонансот кога виде дека официјалниот дел од разговорот заврши и дека мајорот е добро расположен, додаде: внимавај, да не те гризне нејзиниот алигатор. Сега сите тројца се насмевнаа. Каков алигатор? Ќе видиш, рече Илич, слободен си, можеш да одиш.

Tej nocy ją widziałem, jak na jawie. Szła przez przejście baraku, między pryczami, gdzie spokojnie przez sen oddychali moi towarzysze. Zatrzymała się obok mojego łóżka, jakiś czas w zamyśleniu na mnie patrzyła, jakoś tak nieobecnie, jak zawsze wtedy, kiedy nie mogła spać i snuła się po naszym mariborskim mieszkaniu, postąpała przy oknie, usiadła na łóżku i znów podeszła do okna.

„Co jest, Stevo? – mówiła – Ty też nie możesz spać?”

Jej głos był cichy, głęboki, niemalże męski, jakby przytłumiony, tak samo nieobecny jak i jej wzrok. Zaskoczyło mnie to, że go rozpoznałem – był tak wyraźny... Ten głos, który z latami zaginął gdzieś w oddali. Jej obraz mogłem przywołać oczyma mej duszy, kiedy tylko chciałem; tak jej oczy, włosy i usta, jak też i ciało, które tyle razy zdyszane leżało obok mnie. Ale do tej pory nie mogłem usłyszeć jej głosu. Długo niewidzianej osobie najpierw ginie głos – jego barwa i siła. Wiele lat jej nie widziałem. Ile? – pomyślałem sobie – co najmniej siedem. Wstrząsnął mną dreszcz. A przecież na zewnątrz była ostatnia majowa noc i dobiegała końca wiosna strasznego czterdziestego piątego roku. Zmroziło mnie od tej myśli, mimo, że wszystko już powoli wskazywało na lato – na zewnątrz było ciepło a w barakach unosił się zaduch z oddychających i parujących męskich ciał. Siedem lat. „*Za długich siedem lat*” – jak kiedyś śpiewała, moja Weronika – „*Za długich siedem lat spotkamy się jeszcze raz*”.

Bardzo lubiła tę słoweńską pieśń ludową i śpiewała ją, kiedy była smutna i spoglądała tym swoim nieobecnym wzrokiem, jakim patrzyła na mnie i teraz. „*Jeden Bóg wie na niebie, kiedy te lata miną bez ciebie.*”

Chciałem jej powiedzieć:

„Cudownie, że przyszedłaś, choć dopiero po siedmiu latach. Wroniec ciągle jest ze mną, jeśli chcesz go zobaczyć.”

Chciałem powiedzieć:

„Jest tam, za przegrodą, razem z innymi oficerskimi końmi, ma się dobrze, lekko biega po trawie, nie musi przebywać w stajni, ma dobre towarzystwo, chociaż i jemu brakuje twojej ręki... Tak jak i mnie brakuje.”

Chciałem powiedzieć, ale głos uwiązał mi w gardle, coś bełkotliwego i przyciszonego wychodziło z moich ust zamiast słów, które chciałem wypowiedzieć.

„Myślałem, że mieszkasz na zamku u podnóża słoweńskich gór – chciałem powiedzieć – A jeździsz po okolicy?” Wyciągnąłem rękę, żeby dotknąć jej włosów, ale ona się odsunęła.

„Już pójdę. – powiedziała – Przecież wiesz, Stevan, że nie mogę tu zostać.”

Wiedziałem, że nie może zostać, tak jak i nie mogła zostać siedem lat temu, kiedy opuściła nasze mariborskie mieszkanie. Jeżeli nie mogła zostać tam, jak mogłaby zostać tutaj, w barakach obozu jenieckiego, między śpiącymi oficerami królewskiego wojska, nad którymi czuwa powieszona na ścianie, tam obok drzwi, fotografia młodego króla w mundurze porucznika gwardii, z ręką położoną na szabli. Fotografia króla, który został bez królestwa, wśród swoich poddanych, pozostawionych bez ojczyzny.

W tej chwili głośno zarżał koń, przysiągłbym, że to był Wroniec. Może zjawiła się też obok niego, zanim odeszła na zawsze. Może zarżał z radości, kiedy poczuł jej obecność w pobliżu, kiedy być może, jak zawsze kiedyś, położyła rękę na jego nozdrza i powiedziała:

„Wroniec, teraz cię osiodłam.”

To było nocą, teraz jest poranek i wszędzie po szerokim obozie zbierają się żołnierze na poranne powitanie sztandaru. Nadal podnosimy flagę każdego ranka – my, wojsko bez oręża. Przy wejściu szwendają się angielscy wojskowi i znudzeni obserwują poranną krzątalinę. Rozbrojeni żołnierze wojsk królewskich wychodzą z namiotów, oficerowie zakwaterowani w barakach, nadal przygotowani na atak, z powrotem przez słoweńskie góry, w głąb, w bośniackie lasy, gdzie według otrzymanych raportów, wzmacnia się partyzancki opór przeciwko władzy komunistycznej. A ja patrzę na swoją twarz w lustrze i wiem, że nie ma już nic. Ani Weroniki, ani króla, ani Jugosławii. Świat się rozpadł na kawałki niczym rozbite lustro, z którego patrzą na mnie części mojej nieogolonej twarzy. Nie mam siły, żeby się namydlić, ogolić, zacisnąć pas, doprowadzić się do ładu i pójść na miejsce zbiórki. Patrę na tę twarz, nad którą tej nocy pochyliła się Weronika i sam siebie pytam, czy mnie w ogóle rozpoznała. Czy to ciągle jeszcze jestem ja, Stevan Radovanović, major, komendant konnego szwadronu pierwszej brygady. Ten były kapitan Dywizji Drawskiej, którego w Mariborze zostawiła kobieta i z którego za plecami podśmiewali się jego żołnierze? Teraz już się nikt ze mnie nie śmieje. W ogóle nikt się z nikogo nie śmieje, bo też i nikomu nie jest do śmiechu. Teraz wszyscy zasługują na litość – pobite wojska, przegonione z ojczyzny bronią i taktyką niezłomnej komunistycznej dzicy. Czy jest to jeszcze w ogóle moja twarz; te oczy, ten nos, te policzki, pocięte rysami rozbitego lustra, które wisi na ścianie umywalni w baraku? Te podkrążone oczy od nieprzespanych nocy, widoczne siniaki, siwe pasma na skroniach, spękane usta i czarna dziura w rzędzie pożyłkowych zębów. W tym miejscu jeszcze przed miesiącem był ząb, pod ścianą chłopskiej chałupy rozniosło granat moździerza, w górach gdzieś nad Idrią, okrucieństwo kamienia czy żelaza wpaść mi prosto do ust, tak, że w jednej chwili cały byłem zalany krwią. Jak doszedłem do siebie i obmyłem się z posoki, okazało się, że chwala Bogu wybiło mi tylko przedni ząb. Wargi miałem porządnie poszarpane – teraz są już tylko popękane. Tylko ząb mi wybiło, gdzieś tam blisko włoskiej granicy, w stronę której uciekaliśmy, żeby się wedle rozkazu, przegrupować i znowu uderzyć, ale potem, poddaliśmy się tuż przed Palmanovem. Wydaliśmy jeden drugiego, a przecież mówiło się, że Anglicy są naszymi sojusznikami i że wspólnie uderzymy na komunistów. Jeszcze kilka dni nosiliśmy broń, potem przyszedł rozkaz, że ją oddamy, to znaczy, pozwoliliśmy, żeby nas angielscy żołnierze haniebnie rozbroili. Części oficerów pozostawili rewolwery bez amunicji. Kilka dni temu zabrali nam i te ostatnie oznaki godności. Nie jesteśmy już wojskiem. To koniec. Finis Królestwa Jugosławii. Koniec świata.

Przed siedmioma laty, kiedy Weronika wyjechała z Mariboru, po raz pierwszy pomyślałem, że dla mnie nastąpił koniec świata. Ale teraz widzę, że to był tylko mój mały osobisty ból. Życie płynęło dalej i wojsko, do którego duszą i ciałem należałem, ciągle tam trwało – jego porządek i dyscyplina, jego sławna artyleria i kawaleria, piechota – wszystkie jego rodzaje otoczone glorią kolubarskiej i cerskiej bitwy. Byliśmy następcami i dziedzicami serbskiego zwycięstwa, jednego z największych w europejskiej historii. Jako oficerowie – szanowani i cenieni. Świat trwał w swej całości i życie, mimo odejścia Weroniki, miało swój sens. Koszary, manewry – wypełnianie obowiązków, już samo

od siebie skryje wewnętrzną żalność, człowiekowi daje poczucie godności, a obrona ojczyzny – poczucie wielkiego posłannictwa. Osobista strata musi się temu podporządkować. Byłem wzorowym oficerem – to muszę o sobie powiedzieć – w akademii ogólne i specjalistyczne egzaminy zdawałem z wyróżnieniem, we wszystkich manewrach, które w tych latach były coraz częstsze, moja jednostka zbierała pochwały.

Wiosną trzydziestego siódmego roku mój konny szwadron przenieśli z Nisza do Lublany. Z tego, co mogłem zrozumieć, szło o taktyczne wzmocnienie Dywizji Drawskiej, która z powodu politycznych wydarzeń w Niemczech stała się centralną siłą obronną północnej i zachodniej granicy Królestwa. Jak wszędzie, też i tam odnalazłem się bez trudu. Życie żołnierza to nie są miejsca, w których przyszło mu tymczasowo żyć, ale koszary, poligon, wojsko. Moje życie to było wojsko i – konie. Byłem, to muszę stwierdzić, najlepszym jeźdźcą w dowodzonej przeze mnie jednostce. Nie bez znaczenia jest to, czy komendant rozkazuje z kancelarii, czy przy manewrach, czy z jakiegoś wozu terenowego – komendant, który jeździ na czele swojej jednostki, to jest coś zupełnie innego. Od swoich żołnierzy wymagałem tego, czego też wymagałem i od siebie; nieustannych ćwiczeń na ujeżdżalni, gibkości, sprytu, troski o konie, czystej, świeżej wody. Zgrzebło w moją rękę było tak samo ważne jak i poszczerbiona szabla, z którą jeździ się na potyczki, albo jak karabinek na ramieniu, jaki trzeba umieć zdjąć i nabić, także podczas jazdy. Konnica to najszlachetniejsza część wojska. Konnica spluwa na piechotę, jak mawiał major Ilić, kiedy był w dobrym humorze. Kiedy był w dobrym humorze i mówił, że konnica pluje na piechotę, zawsze znalazł się ktoś, kto dodał: „Może też i szczać...” Mieliśmy dobre nastroje. Byliśmy dumni niczym polscy ułani – najodważniejsza lekka konnica, jaką świat kiedykolwiek oglądał. Zresztą, bardzo lubiłem konie. Pierwszy raz je dosiadałem, gdy miałem siedem lat. Mój ojciec był handlarzem koni. Dbałem o nie i rozmawiałem z nimi od dziecka – nie przypadkiem znalazłem się w stajni. Tak samo, jak sobie dzisiaj pomyślę, najprawdopodobniej też nie przez przypadek znalazłem się w Lublanie.

Tam spotkałem Weronikę.

Do niej przyprowadził mnie – jej mąż. Do jej męża natomiast mój komendant, major Ilić. Dokładnie pamiętam to letnie przedpołudnie. Było gorąco, w koszuli z podkasanymi rękawami w ujeżdżalni nadzorowałem ćwiczenia jeździeckie. Potem pozwoliłem rekrutom jeździć w kółko i w ostatnich minutach z puszczonej lejcamy odjechać w stronę stajni.

„I teraz – powiedziałem – mokre miejsca na końskim grzbiecie, szczególnie pod siodłem, umyć czystą wodą. Potem zgrzebło, jasne?”

Nigdy nie zapomniałem o tym rozkazie, gdyż wiedziałem, że są leniwi, bo wszyscy rekruci to lenie. Konia by zagnali do stajni, a siebie na pobliską trawę, do cienia obok stajennego muru, albo na klepisko, gdziekolwiek. Chciałem im wytłumaczyć, dlaczego pielęgnacja konia jest taka ważna i wtedy przyszedł kurier, zsalutował mówiąc, że major Ilić woła mnie do sztabu.

Poważnym głosem spytał mnie, czy jestem gotów wypełnić specjalne polecenie. Zawsze byłem gotowy wykonać każde zadanie. Żoną jego przyjaciela, tutejszej ważnej osobistości, młoda dama, otrzymała w darze angielskiego hackneya i teraz chciała się nauczyć jeździć konno. Zauważyłem, że ordynansowi i sekretarzowi, którzy mi się bacznie przyglądali, jakoś było do śmiechu.

„Zamiast się pieprzyć z durnymi rekrutami, – powiedział major Ilić – będziesz przez jakiś czas nauczycielem jazdy konnej.”

Nie miałem oporów przed robotą z głupimi rekrutami, którzy pod moim kierunkiem w końcu niemalże wszyscy zmieniali się w doskonałych jeźdźców. Opory miałem na myśl, że muszę jakąś rozpieszczoną i bogatą młodą damę uczyć jazdy konnej; wszak z wyróżnieniem złożyłem wszystkie ogólne i specjalistyczne egzaminy na akademii po to, by służyć królowi i ojczyźnie.

„Również w ten sposób służy się królowi i ojczyźnie. – powiedział Ilić, jakby czytał w moich myślach – Zresztą chodzi tylko o dwa miesiące. Na jesiennych manewrach znowu będziesz dowodził szwadronem.”

Odpowiedziałem, że jestem do dyspozycji, tak, jak żołnierz winien odpowiedzieć. Potem Ilić mi przez jakiś czas patrzył w oczy.

„Stefan, synu. – powiedział ojcowskim głosem, jakby mnie wysyłał na bój – Weź sobie jedno do serca.”

„Oficerski honor. – powiedział – Ty wiesz, co to jest oficerski honor.”

Wiedziałem, co miał na myśli. Że z damą trzeba się obchodzić ze stosownym szacunkiem.

„Wiem – powiedziałem.”

„W takim razie, wszystko w porządku” – zachichotał major Ilić. A ordynans, który widział, że już zakończyła się oficjalna część rozmowy i że major jest w dobrym humorze, dodał:

„Uważaj, żeby cię nie ugryzł ten jej aligator.”

Wówczas wszyscy troje zaczęli się śmiać.

„Jaki aligator?”

„Zobaczysz – powiedział Ilić – Jesteś wolny, możesz iść.”

¹Kolubara – rzeka w Serbii, nad którą 3-9 grudnia 1914 roku armia serbska zwyciężyła wojsko austro-węgierskie (przyp. tłum.).

²Cer – góra w Serbii, ok. 100 km od Belgradu, gdzie w dniach 19-16 sierpnia 1914 roku wojska serbskie odniosły zwycięstwo nad armią austro-węgierską; było to pierwsze zwycięstwo sił entanty w pierwszej wojnie światowej (przyp. tłum.).

Той ночью я видел ее как живую. Она шла по проходу посреди барака, между нарами, на которых спокойно спали мои товарищи. Остановилась возле моей койки, некоторое время задумчиво смотрела на меня, взгляд у нее был немного отсутствующий, каким был всегда, когда она не могла спать и бродила по нашей мариборской квартире, стояла у окна, садилась на постель и снова подходила к окну. Что, Стево? — сказала она, — тебе тоже не спится?

Ее голос был тихим, глубоким, почти мужским и немного отстраненным, отсутствующим, как и ее взгляд. Я был поражен, так как мгновенно узнал его, он без сомнения принадлежал ей, этот голос, который с годами потерялся где-то вдали от меня. Ее образ я мог представить перед своим внутренним зрением в любой момент, ее глаза, волосы, губы, ее тело, которое, обессиленное, столько раз лежало рядом с моим, но ее голос я не мог услышать; когда долго не видишь человека, в первую очередь исчезает его голос, звук, его окраска и сила. Я очень долго ее не видел, сколько? подумал я — самое меньшее, семь лет. Меня обдало холодом. Хотя снаружи стояла последняя майская ночь и подходила к концу весна, весна страшного сорок пятого года, хотя на пороге уже стояло лето, и на дворе было тепло, а в бараке даже душно от тепла, исходившего от разгоряченных мужских тел, при этой мысли меня обдало холодом. Семь лет. Через семь долгих лет, как когда-то пела моя Вероника, через семь долгих лет увидимся мы вновь, пела она эту словенскую народную песню, которую особенно любила петь, когда ей было грустно и взгляд у нее был таким же отсутствующим, как и тот, которым она смотрела на меня сейчас, один Господь знает, когда пройдут эти семь лет. Я хотел сказать ей, хорошо, что ты пришла, даже если это случилось через семь лет, Вранац все еще со мной, если ты хочешь его увидеть, он там, за оградой, вместе с другими офицерскими лошадьми, ему хорошо, он может пастись на лугу, ему не обязательно находиться в конюшне, он в хорошей компании, хотя и ему не хватает твоей руки... так же, как не хватает ее мне, хотел сказать я, но слова застряли у меня в горле, вместо них из него вырывалось что-то приглушенное и невнятное. Я думал, что ты живешь в замке под словенскими горами, — хотел сказать я, — а ты едешь там верхом? Я протянул руку, чтобы коснуться ее волос, она отстранилась, я должна идти, сказала она, ты же знаешь, Стево, я не могу остаться.

Я знал, что она не может остаться, как не могла остаться семь лет назад, когда она навсегда покинула нашу мариборскую квартиру, если она не могла остаться там, как она может остаться здесь, в бараке лагеря для военнопленных, среди спящих офицеров королевской армии, над которыми бодрствует повешенная на стене барака недалеко от входа фотография молодого короля в форме гвардейского поручика, с рукой, лежащей на эфесе сабли, фотография короля, оставшегося без королевства, висящая в бараке у тех, кто остался без отечества. В этот момент во дворе громко заржал конь, готов поклониться, что это был Вранац, может быть, она и к нему заглянула прежде чем уйти навсегда, может быть, он заржал от радости, почувствовав ее близость, когда она как всегда положила руку на его морду и сказала: Вранац, сейчас я тебя оседлаю.

Это произошло ночью, а сейчас уже утро и по всему лагерю пленные собираются к утреннему подъему флага, мы поднимаем флаг каждое утро, армия без оружия, у входа в лагерь толкуются английские солдаты и скусающе наблюдают за утренней суетой безоружных солдат королевской армии, вылезавших из своих палаток, офицеров, обитающих в бараках; эти люди до сих пор готовы преодолеть словенские горы и вернуться назад, в боснийские леса, в которых по полученным нами сведениям, крепнет сопротивление коммунистической власти. А я смотрю на свое лицо, отражающееся в зеркале, и понимаю, что ничего больше нет — ни Вероники, ни короля, ни Югославии, мир разлетелся на куски как это потрескавшееся зеркало, из которого на меня смотрят осколки моего небритого лица. У меня нет ни малейшего желания намылить его и побриться, а потом затянуть ремень, встать в строй и отправиться на плац, я рассматриваю лицо, над которым этой ночью склонялась Вероника, и спрашиваю себя, неужели она меня узнала. Неужели это все еще я, Стеван Радванович, майор, командир кавалерийского эскадрона первой бригады, в прошлом капитан Дравской дивизии, которого в Мариборе покинула любимая женщина и над ним — за его спиной — посмеивались его солдаты? Теперь надо мной никто не смеется, теперь никто ни над кем не смеется, потому что всем не до смеха, теперь все мы заслуживаем сожаления, разбитая армия, изгнанная с родной земли безграмотными коммунистическими дикарями, не имеющими понятия о вооружении и тактике, неужели это лицо все еще принадлежит мне, эти глаза, этот нос, эти щеки, перерезанные трещинами лопнувшего зеркала, висящего в умывальной. Эти темные мешки под глазами — следствие бессонных ночей, эти седые пряди на висках, потрескавшиеся губы и черная дырка посреди пожелтевших зубов. Эта дырка, на том месте, на котором еще месяц назад был зуб, появилась потому, что стену крестьянского дома в горах над Идрией вдребезги разнесло гранатой миномета и кусок не то камня, не то железа попал мне прямо в рот, так что все лицо и грудь были мгновенно залиты кровью, но когда я пришел в себя и смыл кровь, оказалось, что я, слава Богу, лишился только переднего зуба, губы тоже были здорово разорваны, сейчас от ран остались только трещины. Так что зуб я потерял там, недалеко от итальянской границы, к которой мы отступали, чтобы — по словам начальства — провести реорганизацию и нанести ответный удар, вместо чего мы вскоре сдались в плен недалеко от Палмановы. Сдались, а что нам еще оставалось, нам же было сказано, что англичане — наши союзники и мы будем бороться против коммунистов вместе с ними? Несколько дней мы еще носили оружие, потом пришел приказ сдать его, это означало, что мы допустили, чтобы английские солдаты разоружили нас, офицерам, правда, разрешили оставить револьверы без патронов, а несколько дней назад отобрали даже это, этот последний символ достоинства, мы перестали быть армией, это конец, *finis* Королевства Югославии, конец света.

Семь лет назад, когда Вероника уехала из Марибора, я впервые подумал, что для меня наступил конец света. Однако сейчас я вижу, что это было всего лишь моей личной болью, жизнь наша шла вперед и армия, которой я принадлежал всем телом и душой, оставалась на своем месте, ее порядок и дисциплина, ее славная артиллерия, конница, пехота, все роды войск, освещенные славой битв при Колубаре и Цере, все это позволяло нам чувствовать себя наследниками победы сербского оружия, одной из самых крупных побед в европейской

истории, нас, офицеров, уважали и почитали, мир все еще был цельным и жизнь — несмотря на уход Вероники — имела свой смысл. Казарма, маневры, исполнение своих обязанностей — все это само по себе перекрывает личную скорбь, дает человеку ощущение чести, а защита отечества — чувство высокого предназначения, личные потери должны перед этим отступить. Я был образцовым офицером, это я могу о себе сказать, все общие и специальные экзамены в академии сдал на отлично, на всех маневрах — а в последние годы они проходили все чаще — мое соединение получало благодарности.

Весной тридцать седьмого года мой кавалерийский эскадрон перевели из Ниша в Любляну. Насколько я мог понять, речь шла о тактическом укреплении Дравской дивизии, которая в связи с политическими событиями в Германии становилась главным фактором обороны северных и западных границ Королевства. На новом месте я сориентировался так же хорошо, как и на прежних. Жизнь военного определяют не те города, в которых ему временно приходится жить, а казарма, учебный плац, армия; в моей жизни главную роль играли армия и кони. Я был — об этом следует сказать — самым лучшим наездником в том подразделении, которым командовал. Совсем не все равно, отдает ли командир приказы, из канцелярии или — на маневрах — из какого-нибудь транспортного средства. Командир, который скачет во главе своего соединения — это нечто совсем другое. От своих солдат я требовал того же, что и от самого себя — непрерывных тренировок на манеже, гибкости, ловкости, заботы о конях, чистоты, свежей воды; скребок в руках значил для меня столько же, сколько вырванная из ножен сабля, с которой кавалерист бросается в атаку, или карабин на плече, который надо уметь вовремя снять и метко стрелять из него даже на скаку. Конница — самый благородный род войск. Коннице наплевать на пехоту, говорил майор Илич, когда у него было хорошее настроение. Когда у него было хорошее настроение и он говорил, что коннице наплевать на пехоту, всегда находился кто-то, кто добавлял: а может и насрать. У нас было хорошее настроение, мы были гордыми как польские уланы, самая храбрая кавалерия на свете. Кроме всего прочего, я очень люблю коней, я впервые сел в седло, когда мне было семь лет, мой отец торговал лошадьми, я ухаживал за ними и с детства разговаривал с ними и в кавалерии оказался совсем не случайно. И вместе с ней, с кавалерией совсем не случайно оказался в Любляне.

Там я встретил Веронику.

С ней меня познакомил ее муж. А с ее мужем — мой командир, майор Илич. До деталей помню то летнее утро: было жарко, в рубашке с закатанными рукавами я стоял на манеже и наблюдал за тренировкой солдат, учившихся повороту на месте. Потом приказал новобранцам ездить по кругу и после этого, опустив поводья, ехать к конюшне. А теперь обратился к ним я, влажные участки на конских спинах, особенно те, что под седлом, нужно помыть чистой водой. Потом скребок, ясно? Я никогда не забывал напоминать им об этом, ведь я знал, что они лентяи, все новобранцы лентяи, им бы только загнать коня в конюшню, а самим растянуться на ближнем лужку или хотя бы в тени возле конюшни, или — хотя бы! — на куче навоза. Я собирался объяснить, почему забота о лошади имеет такое большое значение, но в этот момент пришел вестовой, отдал мне честь и сказал, что майор Илич вызывает меня в штаб.

Очень серьезным тоном он спросил меня, готов ли я выполнить особое задание. Я всегда

был готов выполнять любое задание. Жена его приятеля, очень важной в здешних местах особы и хорошего человека, эта молодая дама получила в подарок английского хакни и теперь хочет научиться ездить на нем. Я видел, что адъютант и писарь, внимательно наблюдающие за мной, с трудом сдерживают смех. Вместо того, чтобы гнобить глупых новобранцев, сказал майор Илич, некоторое время будешь учителем верховой езды. Я ничего не имел против обучения глупых новобранцев, которые под моим руководством, как правило, превращались в отличных наездников, но вот перспектива обучать верховой езде балованную и богатую молодую даму, вот эта перспектива меня не устраивала, в конце концов, я отлично сдал в академии экзамены по всем общим и специальным дисциплинам для того, чтобы служить королю и отечеству. Королю и отечеству можно послужить и в этом случае, сказал Илич, словно прочитавший мои мысли, к тому же речь идет о каких-то двух месяцах, на осенних маневрах ты снова будешь командовать эскадром. Я сказал, что готов выполнить его распоряжение, что еще может сказать военный? Потом майор Илич некоторое время внимательно смотрел мне в глаза. Стеван, сынок, сказал он отцовским тоном, будто благословляя меня на битву, у меня к тебе очень важная просьба.

Честь офицера, — сказал он. Ты знаешь, что такое честь офицера.

Я понимал, о чем он думает.

О том, что с дамой надо вести себя с должным уважением. Знаю, сказал я. Значит, все в порядке, улыбнулся майор Илич. Тогда адъютант, который видел, что официальная часть разговора закончена и что у майора хорошее настроение, добавил: Смотри, как бы тебя не покусал ее аллигатор. Теперь они засмеялись втроем. Какой аллигатор? Сам увидишь, сказал Илич, свободен, можешь идти.

Translated by Aleksandra Krasovec

Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Этой ночью я видел ее как живую. Она шла по проходу посреди барака, между кроватями, на которых размеренно дышали во сне мои товарищи. Она остановилась возле моей кровати, какое-то время задумчиво смотрела на меня, несколько отрешенно, как всегда, когда она не могла заснуть и бродила по нашей квартире в Мариборе, вставала возле окна, садилась на постель и опять подходила к окну. Что такое, Стево? — сказала она, — тебе тоже не спится?

Ее голос был тихим, глубоким, почти мужским, при этом слегка отдаленным и отрешенным, как и ее взгляд. Я удивился тому, что узнал его, настолько отчетливо ее был этот голос, потерявшийся с годами где-то вдали. Ее образ я мог вызвать в своей памяти в любое время, ее глаза, волосы, губы, как и ее тело, которое столько раз, тяжело дыша, лежало возле моего, голоса же ее я не мог слышать; человек, которого долго не видишь, в твоей памяти в первую очередь теряет голос, звук, его окраску и силу. Я очень давно ее не видел, сколько? подумал я, не менее семи лет. Меня обдало холодом. Несмотря на то что снаружи была последняя майская ночь, и весна приближалась к своему концу, та самая весна страшного сорок пятого года и несмотря на то что все уже дышало летом и на улице было тепло, а в бараках почти душно от теплоты дышащих разгоряченных мужских тел, при этой мысли по моей коже пробежала морозная дрожь. Семь лет. «Через долгих семь лет», — пела когда-то моя Вероника, «через долгих семь лет, вновь увидимся с тобой», — пела она эту словенскую народную песню, которую особенно любила, когда ей было грустно и ее взгляд становился отрешенным, как сейчас, «одному Богу известно, когда пройдут семь лет». Я хотел ей сказать, как хорошо, что ты пришла, хоть и спустя семь лет, Вороной все так же со мной, если хочешь его увидеть, хотел я сказать, он там за оградой вместе с остальными офицерскими лошадьми, ему хорошо, он может скакать в поле, ему не нужно быть в конюшне, и общество у него отменное, хотя ему также не хватает твоей руки... как и мне, хотел я сказать, но мой голос застрял где-то в горле, вместо слов, которые я хотел произнести, что-то клокочущее и невнятное издавалось из моих уст. Я думал, что ты живешь в замке у подножия словенских гор, хотел я сказать, ты катаешься верхом? Я протянул руку, чтобы дотронуться до ее волос, она отпрянула, я сейчас ухожу, сказала, ты же знаешь, Стево, что я не могу остаться.

Я знал, что она не может остаться, как не могла остаться семь лет назад, когда ушла навсегда из нашей мариборской квартиры; если она не могла остаться там, как бы она осталась здесь, в бараке лагеря военнопленных, среди спящих офицеров королевских войск, над которыми бдит, повешенная на стену барака там у дверей, фотография молодого короля в униформе лейтенанта гвардии, с саблей, на которую положена его рука, фотография короля, оставшегося без королевства, среди верноподданных, оставшихся без родины. В этот момент послышалось громкое ржание коня, я более, чем уверен, что это был Вороной, возможно, она зашла и к нему, прежде чем уйти навсегда, возможно, он заржал, радуясь ощущению

ее близости, когда она, как она всегда это делала, вероятно, положила руку на его ноздри и сказала, Вороной, сейчас я тебя оседлаю.

Это было ночью, сейчас утро и повсюду на обширной территории лагеря собираются военные для утреннего приветствия у флага, армия без оружия, мы все еще каждое утро поднимаем флаг, при входе переступают с ноги на ногу английские солдаты и со скукой наблюдают за утренней суетой, за обезоруженными солдатами королевской армии, которые приходят из палаток, за офицерами, которые размещены в бараках, все еще готовые ринуться в бой через словенские горы обратно, во внутреннюю часть страны, в боснийские леса, где, согласно получаемым нами сообщениям, крепнет партизанский бой против коммунистической власти. Я же смотрю на свое лицо в зеркале и знаю, что ничего больше нет, ни Вероники, ни короля, ни Югославии, мир развалился на части, как это треснувшее зеркало, из которого смотрят на меня части моего небритого лица. У меня нет желания мылиться и бриться, и затягивать ремень, и приводить себя в порядок, и идти на место сборов, я смотрю на это лицо, над которым этой ночью склонялась Вероника, и спрашиваю себя, вообще смогла ли она меня узнать. Это еще я, Стеван Радованович, майор, командир конного эскадрона первой бригады, бывший когда-то капитаном Дравской дивизии, которого в Мариборе оставила жена и у него за спиной над ним посмеивались его же солдаты? Теперь над ним никто не смеется, вообще никто ни над кем не смеется, так как всем не до смеха, теперь все так или иначе достойны сожаления, пораженная армия, прогнанная с родной земли коммунистическими дикарями, не обучавшимися ни военной тактике, ни тому, как держать оружие в руках; это все еще мое лицо, эти глаза, этот нос, эти щеки, рассеченные трещинами разбитого зеркала, висящего на стене умывальной комнаты барака. Эти синяки под глазами от бессонных ночей, словно гематомы, седые пряди на висках, потрескавшиеся губы и черный провал в ряду желтых зубов. Эта дыра, на ее месте когда-то был зуб, еще месяц тому назад, тогда у стены крестьянского дома в горах где-то над Идрией разорвалась граната миномета, и осколок камня или железа попал мне прямо в рот, так, что в мгновение ока меня всего залило кровью, но после того как я пришел в себя и отмыл кровь, оказалось, что, слава Богу, не хватает лишь одного переднего зуба, губы были сильно порезаны, сейчас они лишь только потрескались, я потерял всего-навсего зуб, там где-то недалеко от итальянской границы, к которой мы отступали, чтобы реорганизоваться, как было сказано, чтобы дать ответный удар, как было сказано, а затем перед Пальмановой мы вскоре и сдались. Сдались, чего же еще, хотя и утверждалось, что англичане наши союзники и что мы вместе с ними пойдем в бой против коммунизма. Несколько дней мы еще носили оружие, а затем пришел указ его сдать, так мы позволили английским военным униженно нас разоружить, в знак уважения офицерской чести нам оставили револьверы без патронов, но и те, последний еще признак достоинства, забрали несколько дней назад, мы больше не армия, это конец, finis Королевства Югославия, конец света.

Семь лет назад, когда Вероника уехала из Марибора, я впервые подумал, что для меня настал конец света. Сейчас же я вижу, что это была незначительная боль личного характера, жизнь продолжалась, и армия, к которой я принадлежал и душой и телом, была все еще там, были ее порядок и дисциплина, ее славная артиллерия и конные войска, пехота, все

рода, окруженные ореолом славы Колубарской и Черской битв, мы были наследниками и преемниками сербской победы, одной из самых больших в европейской истории, нас, офицеров, уважали и ценили, мир все еще был цел, и жизнь, вопреки уходу Вероники, имела свой смысл. Казарма, маневры — выполнение обязанностей уже само по себе прикрывает личное горе, дает человеку чувство чести, а защита родины — ощущение высокой миссии, личная потеря по сравнению с этим вполне может отойти на второй план. Я был образцовым офицером, уж это я могу сказать о себе с полным правом, в академии все экзамены я сдал с отличием, при ведении всех маневров, которые в то время становились все более частыми, моя воинская часть не переставала получать одобрительные отзывы.

Весной тридцать седьмого года мой конный эскадрон перевели из Ниша в Любляну. Насколько я мог понять, это было сделано для тактического укрепления Дравской дивизии, которая с учетом политических событий в Германии принимала на себя роль центральной оборонительной силы для защиты северной и западной границ Королевства. Как и везде, я неплохо там устроился. Жизнь военного — это не города, в которых ему приходится временно жить, а казарма, полигон, армия; жизнь моя была армия и кони. Я был, об этом я должен сказать, лучшим наездником в части, которой командовал. Есть разница, дает ли командир указания из конторы или же на месте самих маневров, командир в седле и во главе своего войска — это совсем другое. От своих солдат я требовал того же, что и от себя, систематические тренировки по верховой езде, подвижность, сноровку, заботу о лошадях, чистоту, свежую воду, скребок в руках для меня был не менее важен сабли, с которой идут в бой, или карабина на плече, которым нужно уметь воспользоваться во время езды. Конная дивизия — самый благородный род войск. Конные войска плюют на пехоту, говорил майор Илич, когда был в хорошем расположении духа. Когда он был в хорошем расположении духа и говорил, что конная армия плюет на пехоту, всегда находился кто-то, кто добавлял: может также и ссать на нее... Мы были в хорошем настроении, мы гордились собой как польские уланы, самая смелая конная армия из всех известных в мире. Помимо всего я любил лошадей, в первый раз я сел на коня в возрасте семи лет, мой отец торговал лошадьми, я заботился о них и с детства любил разговаривать с ними, в конной дивизии я оказался неслучайно. И с этой же конной дивизией, поразмыслив об этом сегодня, скорее всего также неслучайно я оказался и в Любляне.

Там я встретил Веронику.

К ней меня привел ее муж. А к ее мужу — мой командир, майор Илич. Я помню каждую деталь того летнего утра: было жарко, в рубашке с засученными рукавами я следил за отработкой поворота на месте. Затем рекруты должны были ездить по кругу и под конец со спущенными поводками отправиться в конюшню. И теперь, сказал я, все вспотевшие места на спинах лошадей, особенно под седлом, вымойте чистой водой. А потом вычистите скребком, все ясно? Я никогда не забывал этого указания, так как отлично знал, какие они лентяи, все рекруты лентяи, они бы отвели лошадей в конюшню, а сами бы развалились на близлежащей траве в тени у конюшенных стен, пусть даже в навоз, куда угодно. Я уже хотел было им объяснить, почему забота о лошадях столь важна, как пришел курьер, отдал честь и сказал, что майор Илич вызывает меня в штаб.

Серьезным голосом он спросил меня, готов ли я выполнить особое поручение. Я всегда был готов выполнить любое поручение. Жена его друга, местного высокопоставленного и замечательного господина, молодая дама, получила в подарок английского хакнэ и хотела бы научиться ездить верхом. Я видел, как ординарец и писарь, пристально на меня смотревшие, старались сдерживать смех. Вместо того чтобы мудохоться с глупыми рекрутами, сказал майор Илич, будешь некоторое время учителем верховой езды. Не скажу, чтобы мне было неприятно мудохоться с глупыми рекрутами, которые под моим руководством в результате все становились отличными наездниками, но мысль о том, что я должен учить верховой езде некую избалованную и богатую даму, совсем даже меня не вдохновляла, в конце концов, я с отличием сдал все экзамены в академии для того, чтобы служить королю и отечеству. И так тоже можно служить королю и отечеству, сказал Илич, будто прочитав мои мысли, речь идет только о двух месяцах, во время осенних маневров будешь снова командовать эскадром. Я сказал, что я в их распоряжении, что еще может сказать военный. Затем Илич некоторое время смотрел мне в глаза. Стеван, сынок, сказал он отцовским тоном, будто посылал меня в бой, я тебя очень прошу.

Офицерская честь, сказал он. Ты знаешь, что такое офицерская честь.

Я понял, что он имеет в виду. Что с дамой надо обращаться с должным уважением. Знаю, сказал я. Тогда все в порядке, захохотал майор Илич. И ординарец, видя, что официальная часть разговора закончена и что майор в хорошем настроении, добавил: смотри, как бы тебя не укусил ее аллигатор. Теперь уже засмеялись все трое. Какой аллигатор? Сам увидишь, сказал Илич, вольно, можешь идти.

Этой ночью я видел ее как живую. Она двигалась по проходу барака между нар, на которых мерно дышали во сне мои товарищи. Остановилась у моей кровати, немного задумчиво, как-то отсутствующе посмотрела на меня, как обычно смотрела, когда не могла спать и бродила по нашей мариборской квартире, постояла у окна, присела на кровать и опять шагнула к окну. «Ну, как, Стеван?, - произнесла она, - тебе тоже не спиться?»

Ее голос был тихим, глубоким, почти мужским, но немного приглушенным, словно отсутствующим, как и взгляд. Я удивился, узнав его, так отчетлив он был, ее голос, с годами исчезнувший где-то вдали. Ее образ я всегда мог мысленно представить, глаза, волосы, губы, тело, столько раз утомленное ласками, откидывавшееся рядом, но голоса ее я слышать не мог: если долго не видишь человека, сначала исчезает его голос, звук, тембр и сила. Я очень долго ее не видел, сколько?, подумал я, самое меньшее - семь лет. Мне стало холодно. От одной этой мысли меня охватил озноб, хотя снаружи шла последняя ночь мая, весна приближалась к концу, весна страшного сорок пятого года, дело двигалось к лету, и на улице стояла теплынь, в бараке было нечем дышать от дыхания и испарений мужских тел, Семь лет. Через семь годков, когда-то пела моя Вероника, через семь годков мы увидимся вновь, она пела эту словенскую народную песню, которую особенно любила, когда была грустна и смотрела своим отсутствующим взглядом, которым смотрела на меня и сейчас, только бог всевышний знает, когда минуют семь годков. Я хотел ей сказать, хорошо, что ты пришла, хоть и через семь лет, Вранац все еще со мной, если хочешь его видеть, хотел я сказать, он там за оградой, вместе с другими офицерскими конями, у него все хорошо, он может скакать по лугам, он не заперт в конюшне, он в хорошей компании, хотя и нуждается в твоей руке... как и я..., хотел сказать я, но голос мой пресекся, что-то клокочущее и невнятное слетело с моих губ вместо слов, едва я захотел их произнести. Я думал, ты живешь в усадьбе под словенскими холмами, хотел я сказать, едешь там верхом? Я протянул руку, чтобы дотронуться до ее волос, она отодвинулась, сказала, я пойду, ты же знаешь, Стеван, я не могу остаться.

Я знал, что она не может остаться, как не смогла остаться и семь лет назад, навсегда покидая нашу мариборскую квартиру, раз не осталась там, разве может остаться здесь, в лагерном бараке, среди спящих офицеров королевской армии, над которыми бодрствовала повешенная на стену у двери фотография молодого короля в форме гвардейского поручика с рукой на сабле, фотография короля, оставшегося без царства и его подданных, оставшихся без родины. Тут громко заржал конь, готов поклясться, это был Вранац, может, прежде чем уйти, она заглянула и к нему, и он заржал от радости, почувствовав ее рядом, а она вдруг, как когда-то, слегка прикрыла рукой его ноздри и сказала, Вранац, давай, я тебя оседлаю.

Это было ночью, а теперь утро, повсюду по раскинувшемуся лагерю собираются солдаты к утреннему поднятию флага, мы все еще поднимаем флаг каждое утро, армия без оружия, у входа

бездельничают английские солдаты, со скукой наблюдая за утренней суетой; разоруженные бойцы королевской армии, выходящие из палаток, офицеры, размещенные в бараках, - все они еще готовы ударить через словенские горы назад в тыл, в боснийские леса, где, согласно получаемым сообщениям, крепчает партизанская борьба с коммунистической властью. Я смотрю на свое лицо в зеркале и понимаю, что ничего больше нет, ни Вероники, ни короля, ни Югославии, мир расколот, как и это зеркало, из обломков которого на меня смотрят части моего небритого лица. У меня нет ни сил, ни желания намылиться и побриться, затянуть ремень, привести себя в порядок и пойти к месту сбора, я смотрю на лицо, над которым этой ночью склонялась Вероника, и спрашиваю себя, а она вообще меня узнала? И я ли это, Стеван Радованович, майор, командир конного эскадрона первой бригады, когда-то капитан Дравской дивизии, которого в Мариборе бросила жена, и солдаты смеялись у него за спиной? Теперь надо мной никто не потешается, теперь вообще никто ни над кем не смеется, никому не до смеха, все достойны жалости, бедная армия, выгнанная из родных мест не обученными военной науке дикарями-коммунистами; но это все еще мое лицо, глаза, нос, щеки, перечеркнутые трещинами расколотого зеркала, висящего на стене умывальника в бараке. Эти мешки под глазами от бессонных ночей, синяки, растрескавшиеся губы и черная дырка в ряду желтых зубов. Дырка, а еще недавно был зуб, еще месяц назад - в тот раз где-то в Идрии об стену крестьянской избы разнесло минометный снаряд, и осколок камня или железа попал мне прямо в губы, так что я мгновенно истек кровью, а когда пришел в себя и смыл кровь, слава богу, оказалось, не хватает только переднего зуба, губы были изрядно разбиты, сейчас они только растресканы, а вот зуб мой так и остался где-то рядом с итальянской границей, через которую мы отступали, как было сказано, для рекогносцировки, чтобы ударить в тыл, а потом под Пальмановой быстро сдались. Именно сдались, хотя сказали, что англичане - наши союзники и что вместе с ними мы ударим по коммунистам. Несколько дней мы еще носили оружие, потом пришел приказ его сдать, то есть мы сами разрешили английским частям себя постыдно разоружить, офицерам великодушно оставили револьверы без амуниции, но недавно отобрали и их, этот последний знак офицерского достоинства, мы больше не армия, это конец, финал Королевства Югославия, конец света.

Семь лет назад, когда Вероника уехала из Марибора, я впервые подумал, что для меня это конец света. Теперь вижу, это была лишь маленькая личная боль, жизнь шла вперед и армия, которой я принадлежал душой и телом, еще существовала, ее порядок и дисциплина, ее славная артиллерия, конница и пехота, все рода войск, осененные победами сербов в сражениях Первой мировой войны - Церской и Колубарской битвах, мы были наследниками и преемниками одной из величайших в европейской истории сербской виктории, мы были уважаемые офицеры, нас было много, мир еще не был расколот, и жизнь, несмотря на уход Вероники, имела смысл. Казарма, маневры, выполнение обязанностей - все это перекрывало чувство жалости к себе, давало мне ощущение чести, защита родины - чувство высокой миссии, личная потеря отступала на второй план. Я был образцовым офицером, это я могу о себе сказать, в академии общие и специальные экзамены сдавал с отличием, на всех маневрах, которые в эти годы проходили все чаще, мою часть хвалили.

Весной тридцать седьмого года мой конный эскадрон из Ниша перевели в Любляну. Насколько я мог понять, речь шла о тактическом укреплении Дравской дивизии, которая из-за политических событий в Германии стала центральной оборонительной силой северной и западной границы Королевства. Как и везде, я и здесь быстро освоился. Жизнь солдата это не города, в которых время от времени живешь, а казарма, плац, служба, моей жизнью была армия и кони. Должен сказать, я был лучшим всадником в части, которой командовал. Совсем не все равно, откуда командир на маневрах отдает приказы: из ставки, из подвернувшейся повозки или же, а это совсем другое дело, - он скачет верхом во главе своей части. От своих солдат я требовал того же, что и от самого себя: - непрерывных упражнений в манеже, подвижности, ловкости, заботы о конях, опрятности, свежей воды для животных, скребок в руках был для меня также важен как истертая сабля, с которой ходишь в атаку, как карабин, который надо уметь снять и почистить и во время езды. Конница - важнейший род войск. Конница плюет на пехоту, говорил майор Илич, когда был в хорошем настроении. Когда он был в хорошем настроении и говорил, что конница плюет на пехоту, всегда находился кто-то, кто добавлял и ссыт... Мы были в хорошем расположении духа, гордые, как польские уланы, самая смелая легкая кавалерия, которую знает мир. Кроме того, я любил лошадей, первый раз сел в седло, когда мне было семь, мой отец торговал лошадьми, я ухаживал за ними и разговаривал с ними с детства, и в конницу попал не случайно. И с ней, с конницей, как сейчас думаю, тоже не случайно оказался в Любляне.

Там я встретил Веронику.

Привел меня к ней ее муж. К мужу - мой командир, майор Илич. В деталях помню летний поддень: было жарко, в рубашке с закатанными рукавами я наблюдал за упражнениями поворота на месте. Потом разрешил рекрутам поехать по кругу, а в конце занятия поскакать с отпущенными поводьями в конюшню. А теперь, сказал я, мокрые места на лошадиных спинах, особенно под седлом, помойте чистой водой. Потом скребок, ясно? Я никогда не забывал об этом напомнить, знал, что они, лентяи, все рекруты - лентяи, коня - в стойло, сами на ближайший лужок или в тень от стены конюшни, даже если там навоз. Я собирался объяснить им еще, почему уход за конем так важен, но тут пришел нарочный, отдал честь и сказал, что майор Илич зовет меня в штаб.

Тот серьезным голосом спросил меня, готов ли я выполнить особое задание. Я всегда был готов выполнить любое задание. Жена его друга, здешнего высокопоставленного лица и превосходного господина, молодая дама, получила в подарок английскую лошадку породы хэкснэ и теперь хотела бы научиться ездить верхом. Я видел, как ординарец и писарь, внимательно на меня глядевшие, еле сдерживались от смеха. Вместо того, чтобы мудохаться с глупыми рекрутами, сказал майор Илич, станешь на время учителем верховой езды. Я не сопротивлялся возне с глупыми рекрутами, почти все из них под моим руководством, в конце концов, стали отличными наездниками, мне претила мысль, что я должен учить верховой езде какую-то изнеженную фифу, богатую и молодую, в конце концов, я с отличием сдал все основные и специальные экзамены в академии, чтобы служить царю и отечеству. Ты и так служишь царю и отечеству, сказал Илич, будто прочитал мои мысли, речь идет только о двух месяцах, на осенних

маневрах опять будешь командовать эскадром. Я полагаюсь офицеру, я сказал, что нахожусь в его полном распоряжении. Потом Илич долго смотрел мне в глаза. Стеван, сынок, сказал он отцовским голосом, словно посылая меня в атаку, я тебе скажу нечто важное.

Офицерская честь, произнес он. Ты знаешь, что такое офицерская честь.

Я понял, о чем он думает. Что с дамой нужно себя вести с должным уважением. Зная, сказал я. Тогда все в порядке, захихикал майор Илич. И ординарец, который увидел, что официальная часть разговора закончена и что майор в добром расположении духа добавил, смотри, чтоб тебя не загрыз ее аллигатор. Тут все трое засмеялись. Какой аллигатор? Еще увидишь, сказал Илич, вольно, иди.

Translated by Tatiana Zharova

Contact of the translator: zharovat@gmail.com

В ту ночь я ее видел как живую. Она шагала по проходу посередине барака, меж нар, где безмятежно спали мои товарищи. Остановившись у моей постели, она некоторое время задумчиво смотрела на меня, как-то отрешенно, как это бывало всякий раз, когда она не могла заснуть, бродя по нашей мариборской квартире; постояв у окна, она присела на постель, а потом снова подошла к окну. »Ну, что, Стева? - произнесла она, - тебе тоже не спится?«

Голос у нее был глухой, низкий, почти как у мужчины, но какой-то невыразительный, отстраненный, как и ее взгляд. Я изумился тому, что узнал его, до того это был в точности ее голос, с годами затерявшийся где-то вдали. Ее образ я мог представить своему мысленному взору в любой момент, ее глаза, волосы, губы, да и тело тоже, которое столько раз, устало дыша, прикидало ко мне, но вот ее голоса я никак не мог воспроизвести; у человека, которого долго не видишь, сначала исчезает голос, звук, его краски и тембр. Я очень долго не видел ее, сколько? - задумался я, - не меньше семи лет. Меня пробил озноб. И хотя на дворе стояли последние майские ночи, и весна шла на убыль, весна страшного сорок пятого, несмотря на то, что уже все раскрывалось навстречу лету, и на улице стало тепло, а вот в бараке скорее душно от согретого испариной дыхания посапывающих мужских тел, я похолодел от этой мысли. Семь лет. Через семь долгих лет, - когда-то пела моя Вероника, через семь долгих лет нас снова ждет обет, - пела она эту словенскую народную песню, которую особенно любила, когда бывала грустна и смотрела таким вот отрешенным взглядом, каким смотрела на меня теперь один Творец гадает, когда семь лет промает. Мне хотелось сказать, »как хорошо, что ты пришла, пусть и через семь лет, Вороной по-прежнему со мной, если тебе захочется его увидеть, - собирался я сказать, - он там за оградой, вместе с другими офицерскими лошадьми, ему хорошо, можно носиться по лугу и не обязательно стоять в стойле, у него хорошая компания, однако, и он стосковался по твоей руке... так же, как и я тоскую, - хотелось мне вымолвить, - но голос застрял в горле, какое-то рыканье и мычание срывалось с моих губ вместо слов, которые хотелось произнести. Я думал, ты живешь в усадьбе у словенских гор, намеревался я сказать, а едешь там верхом? Я протянул руку, чтобы прикоснуться к ее волосам, но она увернулась, сказав, »мне пора, ты ведь знаешь, Стева, я не могу остаться«.

Я знал, что она не может остаться, как не могла остаться тогда, семь лет назад, когда навсегда ушла из нашей мариборской квартиры, раз она не могла остаться там, как же ей остаться здесь, в бараке лагеря для военнопленных среди спящих офицеров королевской армии, над которыми бдит висящая на стене при входе фотография молодого короля в форме гвардейского офицера, рука которого покоится на сабле, фотография короля, оставшегося без королевства, среди верноподданных, оставшихся без отечества. Тут что есть мочи заржал конь, клянусь, что это был Вороной, может, она заглянула к нему, прежде чем уйти совсем, может, он заржал от

радости, почуяв ее близость, а может, оттого, что она как когда-то положила ему руку на ноздри и сказала: Ну, Вороной, теперь я начну тебя седлать«.

Это было ночью, а теперь наступило утро и отовсюду по периметру лагеря стекались солдаты к утреннему подъему флага, мы по-прежнему поднимаем флаг каждое утро, армия без оружия, при входе толкнутся английские военные и скуки ради наблюдают за утренней сумятицей разоруженных военных королевской армии, выходящих из палаток, офицеров, размещенных в бараках, готовых к броске через словенские горы вглубь боснийских лесов, где по получаемым сводкам, набирает силу сопротивление несогласных с коммунистической властью. Смотрю на свое отражение в зеркале и понимаю, что больше ничего нет, нет ни Вероники, ни короля, ни Югославии, мир разбился вдребезги, как это треснувшее зеркало, из которого на меня смотрят фрагменты моего небритого лица. Никакой охоты намыливаться и бриться, затянув ремень, приведя себя в порядок, я отправился на место сбора, глядя на это лицо, над которым этой ночью склонилась Вероника, я спрашивал себя, как она вообще могла меня узнать. И вообще, я ли это, Стеван Радованович, майор, командир конного эскадрона первой бригады, тот самый бывший капитан Дравской дивизии, которого в Мариборе бросила жена, и за спиной которого посмеивались все его солдаты? Теперь никто над ним не смеется, вообще никто ни над кем не смеется, потому как никому не до смеха, сейчас все скорее достойны жалости, побитая армия, которую выгнали из дома не смыслящие в боевом искусстве и тактике коммунистические умники, да и мое ли это лицо вообще, эти глаза, этот нос, эти щеки, которые смотрят из треснувшего зеркала, висящего на стене умывальника в бараке. Эти круги под глазами от бессонных ночей, похожие на синяки, проседь на висках, потрескавшиеся губы и зияющая дыра в ряду пожелтевших зубов. Вот дыра, на этом месте был когда-то зуб, всего месяц назад, тогда у стены крестьянской хибары рванула граната, выпущенная из миномета в горах над Идрией, и осколок камня или железки прямоком угодил мне в рот, отчего я в один момент залился кровью, а после того, как пришел в себя и смыл кровь, оказалось, что я, слава тебе Господи, только переднего зуба лишился, губы разнесло, до сих пор в трещинах, только зуба одного не досчитался где-то там возле итальянской границы, к которой мы отступили для рекогносцировки, как было сказано, чтобы ударить в тыл, как было сказано, а чтобы затем у Палмановы мы, тем не менее, сдались. Сдались, ну, а как иначе, хотя было заявлено, что англичане наши союзники, что мы с ними сообща ударим по коммунистам. Несколько дней у нас было еще оружие, потом поступил приказ, сдать его, то есть мы позволили английским солдатам позорно разоружить нас, офицерам, храня честь, оставили револьверы без патронов, на днях же и те отобрали, этот последний признак достоинства, мы больше не армия, это конец, финиш Королевства Югославии, конец света.

Семь лет назад, когда Вероника уехала из Марибора, я сначала подумал, что для меня наступил конец света. Однако, теперь я понимаю, что это всего лишь маленькая личная боль, жизнь продолжалась, и армия, к которой я принадлежал душой и телом, продолжала там оставаться, ее распорядок и дисциплина, ее славная артиллерия и конница, пехота, все рода, заслужившие славу в Колубарской и Церской битве, все мы были преемниками и продолжателями победы сербов, одной из величайшей в европейской истории, нам офицерам был почет и довольствие, сохранялась целостность мира, и жизнь, несмотря на уход Вероники,

имела свой смысл. Казарма, учения - несение службы уже само по себе отвлекает от личных переживаний, дает человеку ощущение чести, а защита родины ощущение выполнения высокой миссии, личные потери должны этому подчиниться. Я считался хорошим офицером, это я должен сказать о себе, в академии сдавал экзамены по общим и спецдисциплинам на отлично, во всех учениях, которых в эти годы было все больше, моя часть была на хорошем счету.

Весной тридцать седьмого мой кавалерийский эскадрон перевели из Ниша в Любляну. Насколько я мог судить, речь шла об укреплении Дравской дивизии, которая ввиду событий в Германии становилась основной оборонной силой северной и западной границы Королевства. Как и повсюду, я и там хорошо устроился. Жизнь военного - это не города, в которых он вынужден временно жить, а казарма, полигон, армия, моя жизнь была армия и - кони. Я, об этом надо сказать, лучше всех ездил верхом в части, которой командовал. Не все равно, отдает ли командир приказы из штаба или на учениях с какой-нибудь подводы - командир, скачущий во главе своего войска, это совершенно другое дело. От своих солдат я требовал того же, что в конечном счете, требовал и от себя, постоянные упражнения по выездке, гибкость, мастерство, уход за лошадью, чистота, свежая вода, щетка в руках была для меня так же важна, как наточенная сабля, с которой идешь в наступление, или как карабин на плечах, который надо уметь снимать и тренироваться во время езды. Кавалерия - самый благородный род войск. «Кавалерия поплеывает на пехоту», - говаривал майор Илич, находясь в добром расположении духа. Когда у него было хорошее настроение, и он замечал, что кавалерия плюет на пехоту, всякий раз находилась кто-нибудь, кто добавлял: а может и помочиться... У нас было хорошее настроение, и мы гордились, как польские уланы, храбрейшая легкая кавалерия, какая только есть на свете. Кроме того, я любил лошадей, впервые я сел верхом на лошадь, когда мне было семь лет, мой отец был конным заводчиком, я ухаживал за ними, разговаривал с ними с детства, в кавалерии оказался неслучайно, а если подумать сейчас, то, скорее всего, и в Любляне я оказался неслучайно.

Там я встретил Веронику.

К ней меня привел - ее муж. А к ее мужу - командующий, майор Илич. Я в точности помню летний полдень: было жарко, в рубашке с засученными рукавами я стоял на плацу и наблюдал за упражнениями поворота на месте. Потом я оставил новобранцев ходить по кругу, а потом со спущенными поводьями в хлев. Теперь, сказал я, вспотевшие места на спине лошади промойте чистой водой. Потом скребком, понятно? Я никогда не забывал сказать про это, потому что знал, что все они лентяи, все новобранцы лентяи, коня бы бросили в хлев, а сами на ближайшую полянку, в тени под забором конюшни, да хоть и на навоз, куда угодно. Я хотел было им еще объяснить, почему забота о лошади так важна, как пришел посыльный, отдал честь и сказал, что меня зовет майор Илич в штаб.

С остроткой в голосе он спросил меня, готов ли к выполнению особого задания. Я был всегда готов к выполнению любого задания. Жена его друга, большого и уважаемого человека, молодая дама получила в подарок английского скакуна для верховой езды, а теперь хотела бы научиться ездить верхом. Я видел, что адъютант и писарь, внимательно наблюдавшие за мной, готовы были рассмеяться. «Вместо того, чтобы дурака валять с глупыми новобранцами,

некоторое время будешь учителем верховой езды». Я не возражал против занятий с глупыми новобранцами, которые скоро под занавес под моим руководством превратились в отличных наездников, неприятна мне была мысль, что я должен избалованную богатую молодую дамочку учить верховой езде, в конце концов, я с отличием сдал все экзамены по общим дисциплинам и спецпредметы в академии для того, чтобы служить королю и отечеству. И таким образом тоже служат королю и отечеству, заметил Илич, будто прочитал мои мысли, впрочем, речь идет только о двух месяцах, на осенних учениях ты снова поведешь эскадрон. Я сказал, что я к их услугам, а как иначе может ответить военный. Потом Илич некоторое время смотрел мне в глаза. Стеван, сынок, начал он по-отечески, будто посылая меня в бой, я тебе должен открыться.

«Офицерская честь», - произнес он. «Ты знаешь, что такое офицерская честь».

Я понял, что он имел в виду. С дамой следует обращаться с должным обхождением. Понятно, - ответил я. Ну, тогда все в порядке, - захохотал майор Илич. Адъютант, заметив, что официальная часть разговора окончена, и майор в хорошем настроении, добавил: «смотри, чтобы тебя не укусил ее аллигатор». И все трое рассмеялись. «Какой аллигатор?». «Увидишь, - сказал Илич. «Вольно, можешь идти».

Translated by Nemanja Sicević

Contact of the translator: nemanja.sicevic@gmail.com

Sinoć sam je video, kao da je živa. Koračala je prolazom po sredini barake, između ležajeva, u kojima su mirno disali moji usnuli drugovi. Zaustavila se kod mog kreveta, neko vreme me je zamišljeno gledala, nekako odsutno, kao i uvek kada nije mogla da spava, pa je tumarala po našem mariborskom stanu, zastala pored prozora, sela na krevet i opet prišla prozoru. Šta je, Stevo? rekla je, ni ti ne možeš da spavaš?

Njen glas je bio tih, dubok, skoro muški, a nekako prigušen, odsutan kao njen pogled. Bio sam iznenađen što sam ga prepoznao, tako jasno je bio njen, taj glas, koji se s godinama bio izgubio negde u daljini. Njen lik sam mogao da prizovem pred unutrašnje oči bilo kad, njene oči, kosu, usne, da, i telo koje je toliko puta zadihano ostalo da leži na meni, ali nisam mogao da čujem njen glas; od osobe koju dugo ne vidiš najpre nestane glas, zvuk, njegova boja i snaga. Vrlo dugo je nisam video, koliko? pomislio sam, najmanje sedam godina. Uzdrhtao sam. Iako je napolju bila poslednja majska noć i proleće se bližilo kraju, proleće strašne četrdesetpete, i iako je sve naginjalo na leto i napolju je bilo toplo, a u baraci skoro zagušljivo od toplote dišućih i mirišljavih muških tela, na tu pomisao sam uzdrhtao. Sedam godina. Za dugih sedam godina, nekada je pevala, moja Veronika, za dugih sedam godina ćemo se videti opet, pevala je tu slovenačku narodnu pesmu, koju je naročito volela, kada je bila setna i kada je gledala tim odsutnim pogledom, kojim me je gledala i sada, sam Bog na nebu zna kada će sedam godina proći. Hteo sam da joj kažem, lepo što si došla, makar posle sedam godina, Vranac je još uvek sa mnom, ako hoćeš da ga vidiš, hteo sam da kažem, tamo iza ograde je, zajedno sa drugim oficirskim konjima, dobro mu je tu, može da trči po travniku, ne mora da bude u štali, u dobrom društvu je, mada i njemu nedostaje tvoja ruka... Kao što nedostaje meni, hteo sam da kažem, ali mi je glas zastao u grlu, nešto grgotavo i promuklo je izlazilo iz mojih usta umesto reči koje sam hteo da izgovorim. Mislio sam da živiš u dvorcu pod slovenačkim brdima, hteo sam da kažem, jašeš li tamo? Stegao sam ruku da dotaknem njenu kosu, a ona se odmakla, ja ću sada otići, rekla je, pa znaš, Stevo, da ne mogu da ostanem.

Znao sam da ne može da ostane, kao što nije mogla da ostane ni pre sedam godina, kad je zauvek otišla iz našeg mariborskog stana; kad nije mogla da ostane tamo, kako bi ostala ovde, u baraci zarobljeničkog logora, među usnulim oficirima kraljeve vojske, nad kojima bdi, obešena na zid barake tamo kod vrata, fotografija mladog kralja u uniformi gardijskog poručnika, sa rukom položenom na sablju, fotografija kralja koji je ostao bez kraljevstva, među svojim odanima, koji su ostali bez domovine. Tada je glasno zarzao konj, mogao bih da se zakunem da je bio Vranac, možda je navratila i do njega, pre nego što je otišla zauvek, možda je zarzao od sreće kada ju je osetio u blizini, kada je sigurno, kao nekada davno, položila ruku na njegove nozdrve i rekla, Vranče, sada ću te osedlati.

To je bilo noću, sada je jutro i svuda po prostranom logoru se skupljaju vojnici za jutarnji pozdrav zastavi, još uvek dižemo zastavu svako jutro, vojska bez oružja, na ulazu besposličje engleski vojnici

i bezvoljno posmatraju jutarnju vrevu, razoružane vojnike kraljeve vojske koji dolaze iz šatora, oficire, koji su smešteni u barakama, još uvek spremni da udare preko slovenačkih planina nazad, u unutrašnjost, u bosanske šume, gde po izveštajima koje dobijamo jača gerilska borba protiv komunističke vlasti. A ja gledam svoje lice u ogledalu i ne znam i znam da više nema ničega, nema Veronike, nema kralja, nema Jugoslavije, svet se raspao u komade kao ovo razbijeno ogledalo, iz kog me gledaju delovi mog neobrijanog lica. Nemam volje da se nasapunjam i obrijem i zategnem opasač i dovedem u red i odem na mesto okupljanja, gledam ovo lice nad kojim se ove noći nadvila Veronika i pitam se da li je uopšte mogla da me prepozna. Da li sam to uopšte još ja, Stevan Radovanović, major, komandant konjičkog eskadrona prve brigade, onaj nekadašnji kapetan Dravske divizije, koga je u Mariboru ostavila žena i kome su se iza leđa podsmevali vojnici? Sad mu se niko ne podsmeva, uopšte se niko nikome ne podsmeva, jer nikome nije do smeha, sad su svi nekako za žaljenje, pretučena vojska, koju su iz domovine proterali za oružje i taktiku neuki komunistički divljaci, je li ovo uopšte još moje lice, ove oči, ovaj nos, ovi obrazi, ispresecani linijama napuklog ogledala koje visi na zidu kupatila u baraci. Ovi podočnjaci od neprespavanih noći, koji izgledaju kao masnice, sivi pramenovi na slepoočnicama, ispucale usne i crna rupa u redu žutih zuba. Ta rupa, tu je nekada bio zub, još pre mesec dana, tada je uza zid seoske kuće pukla granata, tamo negde u brdima iznad Idrije, i komadić kamena ili gvožđa mi je uleteo pravo u usta, tako da sam u trenutku bio krvav, a ispostavilo se, kad sam došao sebi i isprao krv, da sam, Bogu hvala, izgubio samo prednji zub, a usne su bile dobro rascepljene, sad su samo napukle, samo sam zub izgubio tamo negde blizu italijanske granice, prema kojoj smo se povlačili da bi se reorganizovali, kao što je rečeno, uzvratili, kao što je bilo rečeno, a onda smo se ispred Palmanove jednostavno predali. Predali, a šta drugo, iako je bilo rečeno da su Englezi naši saveznici i da ćemo zajedno s njima udariti protiv komunista. Još nekoliko dana smo nosili oružje, a onda je stiglo naređenje da ga predamo, znači, pustili smo da nas engleski vojnici sramno razoružaju, oficirima su časno ostavili revolvere bez municije, pre nekoliko dana su nam i njih uzeli, taj zadnji znak dostojanstva, nismo više vojska, to je kraj, finis Kraljevine Jugoslavije, kraj sveta.

Pre sedam godina, kad je Veronika otišla iz Maribora, prvi put sam pomislio da je moj svet srušen. Ali sad vidim da je to bila mala lična bol, život je išao dalje i vojska kojoj sam pripadao dušom i telom je još uvek bila tamo, njen red i disciplina, njena slavna artiljerija i konjica, pešadija, svi rodovi ovenčani slavom Kolubarske i Cerske bitke, bili smo naslednici i baštinici srpske pobede, jedne od najvećih u srpskoj istoriji, mi, oficiri, smo bili poštovani i cenjeni, svet je još uvek bio ceo i život je uprkos Veronikinom odlasku imao svoj smisao. Kasarna, manevri – ispunjavanje dužnosti već samo po sebi prekrije ličnu žalost, čoveku daje osećaj časti a odbrana domovine osećaj uzvišene misije, lični gubitak se mora podrediti tome. Bio sam uzoran oficir, to moram reći o sebi, na akademiji sam opšte i specijalne ispite položio sa odličnim ocenama, na svim manevrima, koji su tih godina bili sve češći, moja jedinica je dobijala pohvale.

U proleće tridesetsedme su moj konjenički eskadron iz Niša premestili u Ljubljano. Koliko sam mogao da razumem, radilo se o taktičkom pojačanju Dravskoj diviziji, koja je zbog političkih događaja u Nemačkoj postajala centralna odbrambena snaga severne i zapadne granice Kraljevine. Kao i bilo gde, i tamo sam se dobro snašao. Život vojnika nisu gradovi u kojima mora da živi privremeno,

već kasarna, vežbalište, vojska, moj život je bila vojska i – konji. Bio sam, moram reći, najbolji jahač u jedinici kojoj sam zapovedao. Nije svejedno da li komandant daje naređenja iz kancelarije ili na manevrima iz nekog terenskog vozila – komandant, koji jaše na čelu svoje jedinice, to je nešto sasvim drugo. Od svojih vojnika sam zahtevao ono što sam zahtevao i od sebe, neprestane vežbe na jahalištu, pokretljivost, spretnost, brigu za konje, čistoću, svežu vodu, strugač u rukama mi je bio jednako važan kao izvađena sablja sa kojom se jaše u napad, ili kao karabin na leđima, koju treba znati snesti i repetirati čak i tokom jahanja. Konjica je najplemenitiji rod vojske. Konjica pljuje na pešadiju, govorio je major Ilić kada je bio dobro raspoložen. Kada je bio dobro raspoložen i rekao da konjica pljuje na pešadiju, uvek se našao neko ko je dodao: može i da piša... Bili smo dobro raspoloženi, bili smo ponosni kao poljski ulani, najhrabrija laka konjica koju svet poznaje. Pored toga sam voleo konje, prvi put sam jahao kada sam imao osam godina, moj otac je bio konjski mešetar, brinuo sam o njima i razgovarao sa njima od detinjstva, nisam se slučajno našao u konjici. I sa njom, sa konjicom, kad danas pomislim, verovatno ne slučajno u Ljubljani.

Tamo sam sreo Veroniku.

Kod nje me je doveo – njen muž. A kod njenog muža moj komandant, major Ilić. Tačno se sećam letnjeg prepodneva: bilo je vruće, u košulji sa povratim rukavima sam na jahalištu nadgledao vežbu okretanja u mestu. Zatim sam pustio regrute da jašu u krug i u zadimj minutima sa slobodnim dizginama prema štalama. A sada, rekao sam, vlažna mesta na konjskim leđima, naročito pod sedlom, operite čistom vodom. Zatim strugač, jasno? Nikad nisam zaboravio da naredim to, zato što sam znao da su lenštine, svi regruti su lenštine, konja bi frljnuli u štalu, a sebe na obližnji travnik, u hlad pored zida štale, makar u balegu, bilo gde. Hteo sam da im objasnim i zašto je briga za konja tako važna, kada je došao kurir, salutirao i rekao da me zove major Ilić u štab.

Ozbiljnim glasom me je pitao da li sam spreman da prihvatim važan zadatak. Ja sam uvek bio spreman da prihvatim svaki zadatak. Žena njegovog prijatelja, ovdašnjeg visokog i viđenog gospodina, mlada dama, je dobila na poklon engleskog heknija, sad bi volela da nauči da jaše. Video sam da je ordonancu i pisaru bilo malo smešno. Umesto da se zabavavaš sa glupim regrutima, rekao je major Ilić, neko vreme ćeš biti učitelj jahanja. Nisam imao otpor prema radu sa glupim regrutima, koji su pod mojim vođstvom skoro svi postali odlični jahači, otpor sam imao prema misli da bi trebalo da neku razmaženu i bogatu mladu damu učim jahanja, ipak sam sa odličnim ocenama položio sve opšte i specijalne ispite na akademiji da bih služio kralju i otadžbini. I na taj način se služim kralju i otadžbini, rekao je Ilić, kao da čita moje misli, inače je to samo dva meseca, na jesenskim manevrima ćeš opet voditi eskadron. Rekao sam da sam na raspolaganju, šta drugo da kaže vojnik. Zatim me je neko vreme gledao u oči. Stevane, sine, rekao je očinskim glasom, kao da me šalje u bitku, učini to za mene.

Oficirska čast, rekao je, ti znaš šta je oficirska čast.

Razumeo sam šta misli. Da sa damom treba postupati sa dužnim poštovanjem. Znam, rekao sam. Onda je sve u redu, zakikota se major Ilić. A ordonanc, koji je video, da je službeni deo razgovora završen i da je major dobro raspoložen, je dodao: pazi da te ne ugrize njen aligator. Sad su se sva trojica smejala. Kakav aligator? Videćeš već, rekao je Ilić, voljno si, možeš da ideš.

V tú noc som ju videl

Translated by Kristína Potočnáková
Contact of the translator: kpotocnak@gmail.com

V tú noc som ju videl, sťaby bola živá. Prichádzala po uličke v strede baraku, pomedzi prične, na ktorých v sne pokojne dýchali moji druhovia. Zastala vedľa mojej posteľe, nejaký čas na mňa zamyslene hľadela, akosi neprítomne, ako vždy, keď nemohla spať a potulovala sa po našom mariborskom byte - postála pri okne, sadla si na posteľ a znovu pristúpila k oknu. Čo je, Stevo? povedala, ani ty nemôžeš spať?

Jej hlas bol tichý, hlboký, takmer mužský, no akosi zastretý, neprítomný ako jej pohľad. Bol som prekvapený, lebo som ho spoznal - tak zreteľne jej bol, ten hlas, ktorý sa rokmi stratil kdesi v diaľke. Jej podobu som si vedel privolať pred vnútorný zrak kedykoľvek - jej oči, vlasy, pery; áno, i telo, ktoré si toľkokrát udýchané líhalo vedľa mňa; nedokázal som však začuť jej hlas; keď nejakú osobu dlho nevidíš, ako prvý zmizne jej hlas, jeho zvuk, farba a sila. Veľmi dlho som ju nevidel, koľko? pomyslel som si, najmenej sedem rokov. Zamrazilo ma. Hoci von bola posledná májová noc a jar sa blížila ku koncu, jar strašného roku štyridsaťpäť, a hoci sa všetko klonilo k letu a von bolo teplo, v baraku priam takmer dusno od tepla dýchajúcich a pariacich sa mužských tiel, pri tej myšlienke ma zamrazilo. Sedem rokov. O dlhých sedem liet, spievala kedysi, moja Veronika, o dlhých sedem liet sa uvidíme opäť, spievala tú slovinskú národnú pieseň, ktorú mala obzvlášť rada, keď jej bolo clivo a hľadela tým neprítomným pohľadom, ktorým na mňa hľadela i teraz, sám Boh nebeský vie, kedy sedem liet minie. Chcel som jej povedať, dobre, že si prišla, hoci až po siedmich rokoch; Vranac je ešte stále so mnou, ak ho chceš vidieť, chcel som povedať, tam za ohradou je, spolu s ostatnými dôstojníckymi koňmi, má sa dobre, môže behať po lúke, nemusí byť v stajni, je v dobrej spoločnosti, hoci aj jemu chýba tvoja ruka...tak, ako chýba mne, chcel som povedať, no hlas sa mi zasekol v hrdle, čosi chrčivé a tlmené vychádzalo z mojich úst namiesto slov, ktoré som chcel vyriechnuť. Myslel som, že žiješ v kaštieli pod slovinskými horami, chcel som povedať, aj jazdievaš po tamojšom okolí? Natiahol som ruku, aby som sa dotkol jej vlasov, no ona sa odtiahla, ja teraz pôjdem, povedala, veď vieš, Stevo, že nemôžem ostať.

Vedel som, že nemôže ostať, tak ako nemohla ostať ani pred siedmimi rokmi, keď navždy odišla z nášho mariborského bytu; ak nemohla ostať tam, ako by mohla ostať tu, v baraku zajateckého tábora, medzi spiacimi dôstojníkmi kráľovského vojska, nad ktorým zavesená na stenu baraku tam pri dverách bdie fotografia mladého kráľa v uniforme gardového poručíka, s rukou položenou na šabli; fotografia kráľa, ktorý ostal bez kráľovstva, medzi svojimi vernými, ktorí ostali bez vlasti. Vtom hlasno zaerdžal kôň, odprisahal by som, že to bol Vranac, možno sa zastavila aj pri ňom, predtým než navždy odišla; možno zaerdžal od radosti, keď ju zacítil v blízkosti, keď azda, ako svojho času zakaždým, položila ruku na jeho nozdry a povedala, Vranac, teraz ťa osedlám.

To bolo v noci; teraz je ráno a všade v rozľahlom tábore sa zhromažďujú vojaci na ranný pozdrav zástave; ešte vždy každé ráno dvíhame zástavu, vojsko bez zbraní; pri vchode prešľapujú anglickí vojaci a unudene pozorujú ranné hemženie; odzbrojených vojakov kráľovského vojska, ktorí vychádzajú zo stanov; dôstojníkov, ktorí sú ubytovaní v barakoch, ešte vždy pripravení prejsť cez

slovenské vrchy do protiútok, do vnútrozemia, do bosnianskych lesov, kde sa podľa správ, ktoré dostávame zosilňuje gerilový boj proti komunistickej moci. A ja hľadím na svoju tvár v zrkadle a viem, že už nič nie je; niet Veroniky, niet kráľa, niet Juhoslávie, svet sa rozpadol na kusy ako to puknuté zrkadlo, z ktorého na mňa hľadia časti mojej neholenej tváre. Nechce sa mi namydliť a oholiť a zatahnuť opasok a dať sa do poriadku a odísť na zhromaždisko; hľadím na tú tvár, nad ktorú sa v tú noc sklonila Veronika, a pýtam sa, či ma vôbec mohla spoznať. Som to vôbec ešte ja, Stevan Radovanović, major, veliteľ jazdecého oddielu prvej brigády, ten niekdajší kapitán Drávskej divízie, ktorého v Maribore opustila žena a za chrbtom sa mu posmievali jeho vojaci? Teraz sa mu nikto neposmieva, vôbec nikto sa nikomu neposmieva, lebo nikomu nie je do smiechu, teraz sú všetci akísi poľutovaniahodní; rozdrvené vojsko, ktoré z vlasti vyhнали zbraní a taktiky neznalí komunistickí divosi; je to ešte vôbec moja tvár, tie oči, ten nos, tie líca, preťaté čiarami puknutého zrkadla, ktoré visí na stene umyvárne v baraku. Tie kruhy pod očami od prebdených nocí, ktoré vyzerajú ako podliatiny; sivé pramene na spánkoch, popraskané pery a čierna diera v rade žltých zubov. Tá diera, tu bol kedysi zub, ešte pred mesiacom; vtedy pri stene sedliackeho domu vybuchol mínometný granát v kopcoch kdesi nad Idrijou a kúsok kameňa alebo železa mi vletel priamo do úst, takže som bol okamžite celý od krvi, a keď som sa prebral a zmyl si krv, ukázalo sa, že mi, chvalobohu, chýba iba predný zub; pery však boli roztrhané na franforce, teraz sú už iba popraskané; akurát o zub som prišiel tam kdesi blízko talianskej hranice, ku ktorej sme sa sťahovali, aby sme sa reorganizovali, ako bolo povedané; vrátili úder, ako bolo povedané, no potom sme sa pred Palmanovou jednoducho vzdali. Vzdali, čo iné; hoci bolo povedané, že Angličania sú naši spojenci a že spolu s nimi zaútočime proti komunistom. Niekoľko dní sme ešte nosili zbrane, potom prišiel rozkaz, aby sme ich odovzdali, čo znamená, že sme dopustili, aby nás anglickí vojaci hanebne odzbrojili; dôstojníkom ako prejav cti nechali revolvry bez munície, pred pár dňami nám zobrali ešte i tie, aj posledný znak dôstojnosti; už nie sme vojsko, toto je koniec, finis Juhoslovanského kráľovstva, koniec sveta.

Keď pred siedmimi rokmi Veronika odišla z Mariboru, prvýkrát som pomyslel na to, že pre mňa nastal koniec sveta. Ale teraz vidím, že to bola malá osobná bolesť, život šiel ďalej a vojsko, ku ktorému som patril telom i dušou bolo ešte vždy tam, jeho poriadok a disciplína, jeho slávna artiléria a jazda, pechota, všetky zložky ovenčené slávou kolubarskej a cerskej bitky; boli sme následníkmi a dedičmi srbského víťazstva, jedného z najväčších v európskych dejinách, my dôstojníci sme boli vážení a uznávaní, svet bol ešte vždy celistvý a život mal napriek Veronikinmu odchodu svoj zmysel. Kasáreň, manévry – plnenie povinností už samo osebe prekryje osobný smútok, vyvolá v človeku pocit cti, obrana vlasti zas pocit vznešeného poslania; osobná strata sa tomu musí podriaďovať. Bol som vzorný dôstojník, to o sebe musím povedať; na akadémii som všeobecné i špeciálne skúšky zložil s vyznamenaním, moja jednotka žala pochvaly na všetkých manévroch, ktoré boli v tých rokoch čoraz častejšie.

Na jar roku tridsaťsedem môj jazdecký oddiel premiestnili z Nišu do Lubľany. Pochopil som, že šlo o taktické posilnenie Drávskej divízie, ktorá sa v dôsledku politických udalostí v Nemecku stala ústrednou obrannou silou severnej a východnej hranice Kráľovstva. Ako všade, aj tam som si poradil dobre. Život vojaka nie sú mestá, v ktorých musí z času na čas žiť, ale kasáreň, cvičisko, vojsko; môj život bolo vojsko a boli ním – kone. Musím povedať, že som bol najlepším jazdcom v jednotke, ktorej som velil. Nie je jedno, či veliteľ rozdáva povely z kancelárie alebo na manévroch z nejakého

terénneho vozidla – veliteľ, ktorý jazdí na čele svojej jednotky, to je niečo úplne iné. Od svojich vojakov som vyžadoval to, čo som napokon vyžadoval i od seba - sústavné cvičenie na jazdeckej dráhe, ohybnosť, šikovnosť, starostlivosť o kone, čistotu, čerstvú vodu; škrabák v rukách bol pre mňa rovnako dôležitý ako vytasená šabl'a, s ktorou sa jazdí do útoku, alebo karabína na ramenách, ktorú treba vedieť sňať a zopakovať to aj počas jazdy. Jazda je najušľachtilejšia zložka armády. Jazda pľuje na pechotu, vravieval major Ilič, keď mal dobrú náladu. Keď mal dobrú náladu a povedal, že jazda pľuje na pechotu, vždy sa našiel niekto, kto dodal: aj vyšťať sa na ňu môže... Mali sme dobrú náladu, boli sme hrdí ako poľskí huláni, najchrabrejšia ľahká jazda, akú svet pozná. Okrem toho som mal kone rád; prvýkrát som jazdil, keď som mal sedem rokov, môj otec bol konský kupec - staral som sa o ne a rozprával sa s nimi od detstva, pri jazde som sa neocitol náhodou. A s ňou, s jazdou, keď na to dnes myslím, zrejme nie náhodou v Lubľane.

Tam som stretol Veroniku.

K nej ma priviedol – jej muž. A k jej mužovi môj veliteľ, major Ilič. To letné dopoludnie si pamätám presne: bolo horúco, v košeli s vyhrnutými rukávami som na jazdeckej dráhe dozeral na precvičovanie obratu na mieste. Potom som regrútov nechal, nech jazdia v kruhu a v posledných minútach s popustenou uzdou smerom k stajni. A teraz, povedal som, vlhké miesta na konskom chrbte, najmä pod sedlom, umyjete čistou vodou. Potom škrabák, jasné? Nikdy som im to nezabudol prikázať, vedel som totiž, že sú lenivci; všetci regrúti sú lenivci, koňa by šmarili do stajne a seba na neďalekú lúku, do tieňa vedľa steny stajne, hoci aj do hnoja, kdekoľvek. Ešte som im chcel vysvetliť, prečo je starostlivosť o koňa taká dôležitá, keď prišiel kuriér, zasalutoval a povedal, že major Ilič ma volá na štáb.

Vážnym hlasom sa ma opýtal, či som pripravený prijať zvláštnu úlohu. Ja som bol vždy pripravený prijať každú úlohu. Manželka jeho priateľa, tunajšieho vysokopostaveného a význačného pána, mladá dáma, dostala ako dar anglického hackneyho, teraz by sa rada naučila jazdiť. Videl som, že ordonancovi aj pisárovi, ktorí sa na mňa pozorne dívali, bolo akosi do smiechu. Namiesto toho, aby si sa mordoval s hlúpyimi regrútmí, povedal major Ilič, bude z teba na nejaký čas učiteľ jazdenia. Necítil som odpor voči práci s hlúpyimi regrútmí, ktorí sa pod mojím vedením nakoniec takmer všetci zmenili na výborných jazdcov; cítil som odpor voči myšlienke, že by som mal nejakú rozmazanú a bohatú mladú dámu učiť jazdiť; napokon, všetky všeobecné a špeciálne skúšky som zložil s vyznamenaním, aby som slúžil kráľovi a otčine. Aj týmto spôsobom sa slúži kráľovi a otčine, povedal Ilič, akoby mi čítal myšlienky, veď ide len o dva mesiace, na jesenných manévroch budeš znovu viesť oddiel. Povedal som, že som k dispozícii, čo iné má vojak povedať. Potom mi Ilič nejaký čas hľadel do očí. Stevan, synu, povedal otcovským hlasom, akoby ma posielal do bitky, niečo ti kladiem na srdce.

Dôstojnícka česť, povedal. Ty vieš, čo je dôstojnícka česť.

Chápal som, čo tým myslí. Že s dárou treba zaobchádzať s patričnou úctou. Viem, povedal som. Potom je všetko v poriadku, zachechtal sa major Ilič. A ordonanc, ktorý videl, že oficiálna časť rozhovoru sa skončila a že má major dobrú náladu, dodal: dávaj pozor, nech ťa nepohryzie jej aligátor. Teraz sa všetci traja zasmiali. Aký aligátor? Ešte uvidíš, povedal Ilič, pohov, môžeš ísť.

Translated by María Estefanía Quiroga

Contact of the translator: estefaniaq@gmx.net

Esa noche la vi, como si estuviera viva. Venía por el pasillo en el medio de la cabaña, por entre las literas donde mis compañeros respiraban plácidamente entre sueños. Se levantó de mi cama, me miró un rato pensativa, ausente como siempre cuando no podía dormir y deambulaba por nuestro departamento de Maribor, se paraba junto a la ventana, se sentaba en la cama y nuevamente se paraba en la ventana. ¿Qué pasa, Stevo? decía ¿vos tampoco podés dormir?

Su voz era suave, profunda, casi masculina, pero cubierta; de alguna manera oculta, ausente como su mirada. Me sorprendí al reconocerla, era tan claramente suya, esa voz que con los años se había perdido en algún lugar lejano. En cualquier momento podía evocar con los ojos cerrados su imagen, sus ojos, pelo, labios, sí, también su cuerpo que tantas veces estuvo acostado a mi lado sin aliento, pero no podía escuchar su voz; a una persona que no ves por mucho tiempo, primero le desaparece la voz, el sonido, su color y potencia. No la he visto por mucho tiempo ¿cuánto? pensé, al menos siete años. Me dio un escalofrío. A pesar de que afuera era la última noche de mayo y la primavera estaba terminando, primavera del terrible año cuarenta y cinco, y a pesar de que ya todo apuntaba al verano y afuera hacía calor y en la cabaña el aire estaba viciado por el vaho que emanaban los vaporosos cuerpos masculinos con la respiración; ese pensamiento me dio un escalofrío. Siete años. Después de siete largos años, alguna vez cantó mi Veronika, después de siete largos años nos volveremos a ver, cantaba esa canción folclórica eslovena que en particular le gustaba cuando estaba melancólica y miraba con esa mirada ausente, con la que también me mira ahora, sólo el Dios de los cielos sabe, cuándo pasarán siete años. Quise decirle qué bueno que viniste, aunque sea recién después de siete años, Vranac todavía está conmigo, si lo querés ver, quise decir, allá está detrás del potrero con otros caballos oficiales, la pasa bien, puede correr por el prado, no tiene que estar en el establo, tiene buena compañía, aunque también él extraña tu mano... como la extraño yo, quise decir, pero la voz se me atascó en la garganta, algo áspero y sordo salió de mi boca en vez de las palabras que quería decir. Pensé que vivías en la casona que está bajo las colinas eslovenas, quise decir, ¿acaso cabalgás por ahí? Estiré la mano para tocar su pelo pero ella se corrió, me voy a ir ahora, dijo, sabés Stevo que no puedo quedarme.

Sabía que no podía quedarse, como no había podido quedarse siete años atrás, cuando se fue para siempre de nuestro departamento de Maribor; si no había podido quedarse allá, cómo podría quedarse acá, en la cabaña del campo de los prisioneros entre oficiales bronceados del ejército real, bajo los que vigila colgada en la pared de la cabaña allá al lado de la puerta la foto del joven rey en el uniforme de guardia teniente con la mano apoyada en el sable, la foto del rey que se quedó sin reino, entre sus fieles que se quedaron sin patria. En ese momento un caballo empezó a relinchar, juraría que era Vranac, tal vez se la escuchaba también allá donde estaba él. Antes de que ella se fuera para siempre, a veces relinchaba de alegría cuando la sentía cerca, cuando como siempre le ponía la mano en la nariz y decía, Vranac, ahora te voy a ensillar.

Eso fue a la medianoche, ahora es de mañana y por todos lados en el ancho campo se reúnen los soldados para hacer el saludo matutino a la bandera, sí, todavía izamos la bandera todas las mañanas, el ejército sin armas; en la entrada avanzan los soldados ingleses y aburridos observan a la multitud matutina, a los soldados desarmados del ejército real que salen de las tiendas de campaña, a los oficiales que están alojados en las cabañas, ya preparados para volver a atacar a través de las montañas eslovenas, adentro, en los bosques bosnios donde, por los reportes que recibimos, se fortalece la acción guerrillera contra el gobierno comunista. Me miro la cara en el espejo y sé que ya no hay más nada, ni Veronika, ni rey, ni Yugoslavia; el mundo está tan arruinado como este espejo rajado desde donde me miran pedazos de mi cara sin afeitarse. No tengo ganas de enjabonarme y afeitarme y ajustarme el cinturón y ponerme en la fila e ir al punto de encuentro. Miro la cara, ante la cual esa noche se inclinó Veronika, y me pregunto si me pudo reconocer. ¿Acaso soy yo todavía éste, Stevan Radovanović, mayor, comandante del escuadrón de caballería de la brigada primera; el alguna vez capitán de la división del río Drava, a quien su mujer dejó en Maribor y de quien a sus espaldas se burlaron los soldados? Ahora nadie se le ríe, nadie se ríe de nadie en absoluto, porque nadie tiene ganas de reírse, ahora son todos bastante lastimosos, son un ejército golpeado, al que desde su patria le mandaron a sacar las armas y las tácticas, esos ignorantes salvajes comunistas; pero es acaso todavía mi cara, estos ojos, esta nariz, estas mejillas, cortadas con las líneas del espejo rajado que cuelga en la pared del baño de la cabaña. Esas ojeras de noches de insomnio que parecían moretones, grises haces de luz en las sombras, labios torcidos y un hueco negro en una fila de dientes amarillentos. En este hueco alguna vez hubo un diente pero estaba desde ya hacía un mes, cuando al lado de la pared de una casa rural explotó una granada de algún mortero desde las montañas, en algún lugar más allá de la región de Idria. Un pedazo de piedra o de metal se me vino derecho a la boca y de un momento al otro estaba lleno de sangre, pero vimos cuando me recompose y me lavé la sangre, que sólo, gracias a Dios, me faltaba un diente de adelante, los labios estaban bastante partidos, ahora todavía están un poco torcidos, pero me faltaba el diente, allá en algún lugar cerca del límite con Italia del que nos retiramos para reorganizarnos como habían dicho, contraatacar, como habíamos quedado, pero finalmente nos rendimos antes de Palmanova. Nos rendimos, qué más, aunque habían dicho que los ingleses eran nuestros aliados y que íbamos a luchar junto a ellos contra el comunismo. Portamos armas unos días más, después recibimos la orden de rendirnos, es decir, dejamos que los ingleses nos desarmaran y nos humillaran, los oficiales honorablemente dejaron sus revólveres sin municiones, unos días antes ya nos habían sacado el último símbolo de dignidad, ya no somos más un ejército, este es el fin, finis del Reino de Yugoslavia, el fin del mundo.

Hace siete años cuando Veronika se fue de Maribor por primera vez pensé que era el fin del mundo. Sin embargo, ahora veo que ése era un pequeño dolor personal, que la vida siguió adelante y que la guerra, a la que pertenecía en cuerpo y alma, todavía estaba ahí, su orden y disciplina, su famosa artillería y caballería, infantería, todas las generaciones envueltas en la gloria de las batallas de Kolubara y de Cer, éramos los sucesores y herederos de los triunfos serbios, unos de los más grandes en la historia europea, respetábamos y estimábamos a los oficiales, el mundo aún estaba entero y la vida tenía sentido, a pesar de la partida de Veronika.

El cuartel, las maniobras – el cumplimiento de las obligaciones ya en sí mismo cubre la tristeza personal, le da a uno el sentimiento de respeto y defensa de la patria, sentimiento de una misión grande, la pérdida personal se debe subordinar a eso. Era un oficial ejemplar, también debo decir esto de mi persona, en la academia hice los exámenes generales y especializados con distinción, también todas las maniobras, que ese año habían sido cada vez más frecuentes, y así, mi unidad cosechó halagos.

En la primavera del treinta y siete transfirieron mi escuadrón de caballería de Nis a Liubliana. Por lo que pude entender fue por el fortalecimiento táctico de la división del río Drava que, debido a los acontecimientos políticos en Alemania, se había convertido en la fuerza central de defensa del límite norte y oeste del Reino. Como en todos lados, también ahí me sentí cómodo. La vida del soldado no son los lugares en los que ocasionalmente tiene que vivir, sino los cuarteles, el campo de entrenamiento, el ejército; mi vida era el ejército y eran – los caballos. Era, debo decir también, el mejor jinete de la unidad que he comandado. No es lo mismo si el comandante da órdenes desde la oficina o, en las maniobras, desde algún vehículo – el comandante que monta al frente de su unidad es otra cosa. A mis soldados les exigía lo que, después de todo, me exigía a mí mismo: continuos ejercicios de cabalgata, movilidad, habilidad, interés por los caballos, limpieza, agua fresca, el cepillo en las manos era para mí tan importante como desenfundar un sable con el que se monta al ataque o como la carabina en los hombros a la que hay que saber bajar y repetir también durante la cabalgata. La caballería es el linaje más noble del ejército. La caballería escupe a la infantería, decía el mayor Ilić cuando estaba de buen humor. Cada vez que estaba de buen humor y decía que la caballería escupía a la infantería, siempre había alguien que agregaba: también la puede mear... Estábamos de buen humor, estábamos tan orgullosos como los Ulanos polacos, la caballería liviana más valiente que conoce el mundo. Además me gustaban los caballos, cabalgué por primera vez cuando tenía siete años, mi padre era comerciante de caballos, me preocupé por ellos y hablé con ellos desde la niñez; no me metí en la caballería de casualidad. Y ella, la caballería, si hoy lo pienso muy rápido, tampoco está por casualidad en Liubliana.

Allá me encontré con Veronika.

Hasta ella me llevó – su marido. Hasta su marido, mi comandante, el mayor Ilić. Recuerdo exactamente esa tarde de verano: hacía calor, en camisa de mangas arremangadas, supervisaba durante la cabalgata el ejercicio de giro en el lugar. Después dejé que los reclutas calbargaran en círculo y en los últimos minutos con las riendas flojas hacia el establo. Y ahora, dije, humedezcan el lomo del caballo, lávenlo con agua limpia especialmente por encima de la montura. Después cepillo, ¿está claro? Nunca me olvidaba de ordenar eso ya que sabía que eran vagos, todos los reclutas son vagos, todos harían descansar el caballo en el establo, y a ellos mismos en el prado más cercano, en la sombra al lado de la pared del establo o quizá en la bosta, donde fuera. Quería también explicarles por qué el cuidado del caballo es tan importante, pero justo apareció el mensajero, saludó y dijo que el mayor Ilić me llamaba al cuartel general.

Con voz seria me preguntó si estaba preparado para aceptar una tarea especial. Yo estaba siempre preparado para aceptar cualquier tarea. La esposa de su amigo, una distinguida señora local, una joven dama había recibido como regalo un hackney inglés y ahora también quería

aprender a montar. Vi que al oficial de turno y al administrativo, que me miraban con atención, les dio un poco de risa. En lugar de boludear con reclutas estúpidos, vas a ser por un tiempo profesor de equitación. No me disgustaba trabajar con reclutas estúpidos, que bajo mi dirección al final casi todos se convertían en excelentes jinetes, me disgustaba pensar que tenía que enseñarle a montar a una dama caprichosa y rica, cuando había aprobado con distinción todos los exámenes generales y especializados en la academia, para servir al rey y la patria. También de esta manera se sirve al rey y a la patria, dijo Ilić, como si hubiera leído mis pensamientos, pero de todos modos es sólo por dos meses, para las maniobras de otoño vas a dirigir el escuadrón otra vez.

Le dije que estaba a disposición, qué otra cosa puede decir un soldado. Después Ilić me miró un rato a los ojos. Stevan, hijo, dijo con voz de padre, como si me mandara a una batalla, te recomiendo algo de corazón.

Respeto de oficial, dijo. Vos sabés lo que es el respeto de oficial.

Entendí lo que quiso decir. Que era necesario tratar a la dama con obligado respeto. Ya sé, dije. Entonces está todo bien, se rió el mayor Ilić. Y el oficial de turno, que vio que la parte formal de la conversación ya había terminado y que el mayor estaba de buen humor, agregó: cuidado, que no te muerda su cocodrilo. Ahora se burlaban los tres. ¿Qué cocodrilo? Ya vas a ver, dijo Ilić, eso es todo, te podés retirar.

LIST OF TRANSLATORS

Karin Almasy (Austria)

Born in 1985 in Klagenfurt/Celovec, Carinthia. One of the few non-Slovene Carinthians that learned the Slovene language. She earned a B.A. in translation studies (Slovene and Italian) and completed the German as a Foreign Language (DaF) teaching programme at the University of Graz, the city where she still lives and works. She has lived in Ljubljana and Novi Sad, taught German, and done proofreading and translating while completing her MA in the History of Southeastern Europe at the University of Graz. She mainly translates Slovene literature into German, focusing on poetry by authors such as I. Dobnik, I. Svetina, and A. Medved, and prose by P. Voranc, S. Tratnik, and A. Čar.

Contact: karin@almasy.at

Ann Catrin Apstein-Müller (Germany)

Born in 1973, she studied German language and literature, American culture and literature, and media law in Munich, where she now works as a freelance editor and translator from Slovene, English, and French. She has translated works of prose by Aleš Šteger, Miha Mazzini, Milan Kleč and Marko Sosič, plays by Simona Semenič and Evald Flisar, and poetry by Stanka Hrastelj, Primož Čučnik and Ana Pepelnik.

Contact: ac-am@gmx.de

Marianna Bershadskaya (Russia)

Born in 1937. She is an associate professor at the Saint Petersburg State University. She teaches Slovenian literature and literatures of other Southern Slavic nations. In 1993, she launched Slovenian language classes at the Department of Slavic Philology. She has published a number of studies on Slovenian literature and translations of works by I. Cankar, A. Ingolič, J. Kozak, M. Kranjec, C. Kosmač, K. Gabelšek, B. Zupančič, A. Hieng, N. Kraigher, and D. Jančar. Her currently unpublished translations into Russian include Županova Micka (Micka, the Mayor's Daughter) by A. T. Linhart, Lepa Vida (Beautiful Vida) by I. Cankar and Kreature (Creatures) by B. Krefit. She is the chairman of the Saint Petersburg Branch of the Slovenian Cultural and Artistic Society Triglav, the initiator of the Friends of Slovenia Society, and an honorary member of the Slovenia-Russia Society. In 2000, she became a distinguished recipient of the with the Order of Freedom of the Republic of Slovenia.

Contact: marber2@rambler.ru

Ljudmil Dimitrov (Bulgaria)

Born in 1967. He obtained a degree in Bulgarian Philology (1992) in addition to two second majors in journalism and media at Sofia University, and drama theatre directing at the National Academy for Theatre and Film Arts in Sofia. He obtained his doctorate in Russian literature in 1999. He is a professor of Russian literature at the University St. Kliment Ohridski in Sofia, and a professor of Russian Drama and Theatre at the Theatre College "Lyuben Grois" in Sofia. He is a full member of the Bulgarian Academy of Sciences and Arts and the Bulgarian PEN. Between 2005 and 2010, he was a lecturer for Bulgarian Language, Literature and Culture at the University of Ljubljana. He is the co-founder and head of the Literature, Film and Visual Culture Master's program at the Faculty of Slavic Studies at the University St. Kliment Ohridski in Sofia. He has authored several scholarly monographs (including Bagrjana in Slovenija with L. Malinova-Dimitrova, Ljubljana 2011), textbooks and books (anthologies and collections), over 150 publications in Bulgaria, Russia, Poland, Czech Republic, Slovakia, Turkey, Italy, Serbia, Slovenia etc., and participated at over 50 forums and conferences in Bulgaria and Europe. He is also an editor and translates works from the English, Russian and Slovene. He has translated several works by Slovenian authors into Bulgarian, among them A. Šteger, M. Zupančič, Z. Kveder, S. Tratnik, M. Kumerdej, A. Blatnik, A. Morovič, M. Novak, T. Kosmač, A. Skubic, M. Čander, S. Hrastelj and others.

Contact: ljudiv@abv.bg

Florence Gacoin-Marks (France)

Born in 1972 in Paris, she completed her studies at the Sorbonne and at the INALCO in Paris, where she studied French literature, Serbo-Croat and Slovene. She wrote her Ph.D. thesis in comparative literature on the Slovene realistic novel in the European context. She has lived in Slovenia since 1994 and currently works as a lecturer at the Faculty of Arts at the University of Ljubljana. Her main research interests are comparative literature, narratology, and translatology. In her spare time, she translates scientific, legal, and literary texts. One of her main goals is increased promotion of Slovene literature and culture in francophone countries.

Contact: florence.gacoin-marks@guest.arnes.si

Aleksandra Krasovec (Russia)

Born in 1982 in Moscow, she studied Slovene language and literature at Lomonosov Moscow State University (2000-2005), where she completed a thesis "The Genre Peculiarity of Drago Jančar's Novels between 1970 and 1990". Then she studied Russian literature at Jean-Moulin Lyon III University in France. In 2006 she defended her MA thesis "Russian Avant-garde Poetry in the 1920s", which also covered the phenomenon of Russian expressionism. She continues working on these subjects in her doctoral dissertation. She has lived in Ljubljana since 2006. She translates scholarly, technical and literary texts. She is a member of a group preparing a new edition of Russian-Slovene Dictionary at University of Ljubljana.

Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Grégoire Labbé (France)

Born in 1985 near Lyon, Grégoire learnt Slovene for three semesters at the Center for Slovene as a Second/Foreign Language in Ljubljana. Upon returning to France, he continued his studies in the field of Slavonic languages; including Slovene, Czech and, more recently, Ukrainian, at the INALCO (the National Institute of Oriental Civilisations and Languages), a renowned institute in Paris. He began to work as a translator after he was inspired by a seminar, organized by the Slovenian Book Agency in August 2011, and he is keen on developing a career in translating Slovene literature.

Contact: g.lab85@gmail.com

María Estefanía Quiroga (Argentina)

Born in 1982 in Buenos Aires, she studied Spanish Language and Literature at the University of Buenos Aires and presently teaches Spanish as a foreign language. She has been studying the Slovene, Serbian, and Croatian languages for many years, and also actively participates in the promotion of South Slavic culture in Buenos Aires. Her passion for contemporary Slavic literature led to working on Slavic-Spanish translations and motivated her interest in introducing this particular literature into the Spanish market. To date, she has translated several brochures and short stories from Slovene into Spanish and is currently working on her first translation of a full-length novel.

Contact: estefaniaq@gmx.net

Timothy Pogačar (USA)

Pogačar teaches Russian language and literature at Bowling Green State University. He is president of the Society for Slovene Studies and has edited the journal Slovene Studies, which occasionally publishes English-language translations of Slovene literature. He translated the prose selections in Slovenski pesniki in pisatelji akademiki (Slovene Poets and Prose Writers in the Academy of Sciences, 2007). Currently, he is completing a translation of Ivan Tavčar's Visoška kronika (The Visoko Chronicle). Pogačar is involved in other kinds of translating as well. He translated Marko Juvan's Intertekstualnost: zgodovina in poetika (Intertextuality: History and Poetics, 2009). He is an associate director of the Language Services Group at Bowling Green State University.

Contact: pogacar@bgsu.edu

Kristína Potočňáková (Slovakia)

Born in 1984 in Prešov, Slovakia. She studied English and Polish at the Faculty of Philosophy at the Comenius University in Bratislava. During her studies, she turned her focus to the Slovene language and participated in several cultural events on theme Slovene literature and film (World Festival of Slovene Literature 2006, World Festival of Slovene Literature in Film 2008). She has translated a children's novelette by Franjo Frančič and poems by Klemen Pisk, Lucija Stupica (in cooperation with Andrej Pleterški; the translation was nominated for the prize "Lirikonov zlat 2010"). Her translations of works by A. Blatnik, D. Zajc, A. Šteger, P. Rezman, M. Vidmar and many others are included in an Anthology of Contemporary Slovenian Literature, which was published in Slovak in 2010. She partakes in organizing literary evenings with Slovenian authors and is also active as an interpreter from Slovene and English into the Slovak.

Contact: *kpotocnak@gmail.com*

Nemanja Sićević (Serbia)

Born in 1978 in Kruševac, Serbia, currently living in Belgrade. He earned a BA and an MA degree in General Linguistics and the Slovene Language at the Faculty of Philology in Belgrade. He teaches Slovene and Serbian at several schools in Belgrade, including Kolarčeva zadužbina, the oldest and most prominent language school in Serbia. He occasionally lectures on contemporary Slovene culture and society, as well as on South Slavic philology. He is active as an editor of various almanacs and as a proofreader. He translates technical, scientific, legal, and literary texts from Slovene and English into Serbian and vice versa.

Contact: *nemanja.sicevic@gmail.com, beskraini.plavi.krug@gmail.com*

Darko Spasov (Macedonia)

Born in 1976 in Kočani, Macedonia, he graduated from the Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University of Skopje and obtained his MA degree in theatre arts at the ESRA - University for Audiovisual Arts in Skopje. He translates works from the Slovene, English, and Russian for the Macedonian book market. He regularly collaborates with the following publishers: Mladinska Knjiga Skopje, Matica Makedonska, Kliker knjigi, Esra, and Miš. He has translated an assortment of contemporary Slovene drama texts (T. Kosi, M. Zupančič, D. Potočnjak, S. Pavček) and works by several renowned Slovenian authors, such as A. Rozman – Roza, E. Peroci, S. Makarovič, B. Hanuš, C. Bevc, N. Kokelj, S. Hrastelj, M. Potocco, A. Hočevnar, F. Bevk, F. Milčinski and others. He also translates plays by dramatists such as S. Melchinger, M. A. Čehov or D. Donnellan.

Contact: *polatski@gmail.com*

Nadežda Starikova (Russia)

She is a Ph.D. holder and specialist in the field of Slavic Philology and a Slovenist. After graduating from Lomonosov Moscow State University, she works at the Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences, and was also as the acting director of the Center for Modern Literatures of Central and Southeastern Europe. Since 1994, she has been a lecturer for Slovene Literature and Culture at the Department of Slavic Philology at Moscow State University. She has authored the following books: *The Slovene historical novel of the 1920s-1930s. Typology. Genealogy. Poetics* (Moscow, 2006), and *Slovenian literature (from the origins to the beginning 20th century)* (Moscow, Indrik, 2011), as well as articles on the literature and culture of Slovenia in the 20th century. As a translator, she participated in the following projects: *Slovenia. The Path to Independence* (Moscow, Indrik, 2001 – translation of documents), *Literary Express Europe 2000* (Moscow, Rainbow, 2001 – translation of works by A. Šteger, A. Čar and E. Babačić). She acted as a consultant, translator and editor of the anthology of *Contemporary Slovene Prose, Poetry, and Drama (Litterae Slovenicae, DSP, Ljubljana, 2001 – translation of works by V. Taufer, A. Blatnik, D. Jovanovič, E. Flisar, and D. Jančar)*, and wrote the preface to the *Anthology of Slovene Poetry From Age to Age. Slovene poetry* (Moscow, Prana, 2008). In 2010, she was honoured with the Tone-Pretnar-Award for ambassadors of the Slovene language and literature abroad.

Contact: *nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru*

Kristina Tamulevičiūtė (Lithuania)

Kristina Tamulevičiūtė was born in 1989 in Siauliai, Lithuania. She studied Lithuanian and Slovene at the Universities of Vilnius and Ljubljana. Currently, she is a student at the University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, where she studies Bosnian, Croatian and Serbian literatures. She has won numerous youth poetry competitions throughout Lithuania. Her poems have been published in various Lithuanian newspapers and magazines. She mostly translates contemporary Slovene poetry. The majority of her translations have been and are being published by the cultural newspaper *Siaures Atenai*.

Contact: *kristina.tamuleviciute@gmail.com*

Regina Wojtoń (Poland)

Born in 1978 in Krosno, Poland, she graduated in Polish and Slovene from the Faculty of Philology at the Silesian University, where she also completed her Ph.D. studies (with a dissertation entitled "Evil in Polish and Slovenian Modern Literature of the 1990s") and a postgraduate programme for teachers of Polish Culture and Polish as a Foreign Language. Her research areas are literary studies and contemporary Slavic literatures, in particular the reception of modern Polish psychological and crime novels abroad. She works at the University of Bielsko-Biala as a teacher of Slovenian and Polish as foreign languages. She is also interested in translation studies and contributes to various projects that promote Slovenian and Polish culture abroad. She translates Slovene poetry and prose into Polish.

Contact: *rwojton@gazeta.pl*

Tatiana Zharova (Russia)

Graduated from the Lomonosov Moscow State University and also studied at the University of Ljubljana. She taught Slovene both at the Moscow Institute of International Relations and at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Between 1999 and 2001, she was a cultural attaché at the Embassy of the Russian Federation in Ljubljana. She currently works as a translator and interpreter at the Embassy of the Republic of Slovenia in Moscow, where she is involved in bilateral programs for cultural partnership between the two countries. She also translated several literary works by Slovene authors such as I. Cankar, M. Bor, N. Gaborovič, A. Hieng, D. Lokar, and T. Pavček.

Contact: *zharovat@gmail.com*

CO-FINANCING PUBLICATIONS OF SLOVENIAN AUTHORS IN FOREIGN LANGUAGES

The Slovenian Book Agency is an autonomous government institution that awards subsidies and provides different forms of support as instruments of international promotion of Slovenian literature.

Subsidies to translators for the translations of Slovenian authors:

A call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The following genres are qualified for public financial support: literature, science, art and culture in general, literature for youth and children, scholarly essays and critiques, theatre plays and comics.

The applicant can be a foreign publishing house or translator. In both cases there has to be a letter of intent or a contract between the translator and the publisher or theatre from abroad that publishes or carries out the work for which a subvention is sought.

The subsidy covers up to 100 % of the translation costs. The grant is paid directly to the translator's account. Grants cannot be awarded retroactively.

Mobility grants for top literary authors

The call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The applicant must be a Slovenian author who has been invited to a literary event abroad. The application must be enclosed with the invitation and the program of the event. The subsidy covers up to 100 % of eligible travel expenses.

Contact

Javna agencija za knjigo Republike Slovenije / Slovenian Book Agency

Tržaška cesta 2, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 369 58 20

Fax: +386 1 369 58 30

Email: gp.jakrs@jakrs.si

Webpage: www.jakrs.si

The Trubar Foundation

The Trubar Foundation is a joint venture of Slovene Writers' Association, Slovenian PEN and the Center for Slovenian Literature. The aim of the Trubar Foundation is to subsidize publications of Slovenian literature in translation.

Subsidies to publishers for the printing costs of the books translated from Slovene:

Foreign publishers can apply for subsidies to publish unpublished translations of Slovenian authors in their native languages.

The Trubar Foundation contributes up to 50% of printing costs. It does not subsidize translation. Priority is given to the works of living authors who are already established in Slovenia. The Board consists of seven equal members including the Presidents of Slovene Writers' Association and Slovene PEN. They convene at least twice a year, usually in March and October. Therefore, applications received by the end of February and the end of September will be considered.

Contact

Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writers' Association

Tomišičeva 12, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 251 41 44,

Fax: +386 1 421 64 30

Email: dsp@drustvo-dsp.si

Webpage: <http://www.drustvo-dsp.si>